

Свет и Тьма

Кирилл Алейников

История оборотня

2005

Алейников К.

История оборотня / К. Алейников — 2005 — (Свет и Тьма)

Война между Актарсисом и Яугоном, между Светом и Тьмой, Добром и Злом идет ровно столько, сколько существует Вселенная. Это битва за души людей и за тот мир, который мы считаем своим. Естественно, обычный землянин не догадывается, что рядом с ним каждый день происходят стычки между ангелами и демонами, оборотнями и вампирами. И что за многими чисто «человеческими» разборками стоит выяснение отношений Яугона и Актарсиса. Битвы ведутся наверху и внизу и рядом с нами, то есть в Срединном мире. Войны, катастрофы, стихийные бедствия, эпидемии – вот их отражения. Связь между тремя мирами очень сильна и сложна – сам черт ногу сломит, если попытается разобраться, что к чему. Хотите узнать о вампирах – спросите их самих. Желаете справиться о Яугоне – отыщите рожденного в преисподней демона. Горите желанием выяснить, что творится в Актарсисе, – встретьтесь с ангелом. Теперь, когда вы имеете представление о существовании потусторонних сил, найти их представителей вам будет не так уж сложно. А вот затем, чтобы что-то узнать об оборотнях и их жизни в Срединном мире, и вовсе далеко ходить не надо. История оборотня перед вами.

Содержание

ПРОЛОГ	7
ГЛАВА I	11
ГЛАВА II	22
ГЛАВА III	31
ГЛАВА IV	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Кирилл Алейников

История оборотня

Прежде чем начнётся повествование романа, я бы хотел сделать небольшое вступление. Те, кто не читал первый роман трилогии «Свет и Тьма. Актарсис против Ягуона» – роман «Познавший Кровь», – могут спокойно пропустить вступление. Остальным же я рекомендую с ним ознакомиться.

Итак, вначале факты. "Познавший Кровь" был написан за полтора месяца, зато данный роман, по объёму лишь немногим больший, писался в течение четырех месяцев. Дело в том, что по не зависящим от меня обстоятельствам пришлось сначала писать роман на обычной бумаге в обычной тетради формата А4 в клетку, а уж потом – перепечатывать в электронный вид. Структура романа "История оборотня" отличается от структуры романа, открывшего трилогию. Если во втором случае повествование разбито мною на три смысловые части, то теперешнее произведение состоит из десяти глав, КАЖДАЯ из которых разбита опять-таки на три отдельных части. Одна часть – это магистральная линия повествования, непосредственное действие от первого лица. От первого же лица написана каждая вторая часть каждой главы (стоит отметить, что структурные элементы идут без определенного порядка и в каждой главе могут находиться в её начале, середине либо конце), но её смысл сводится к такому монологу, где интервьюер рассказывает некой Лидии историю своих приключений. Третья часть глав – отдельные рассказы, так или иначе касающиеся оборотней.

Кое-кто может по прочтении романа спросить, зачем в повествование введено столько эпизодов, не имеющих на первый взгляд ничего общего с, собственно, сюжетом. Однако я спешу заметить: на первый взгляд. Проблематика борьбы Света и Тьмы слишком сложна и обширна; чтобы хоть как-то осмыслить эту борьбу, мало пары историй о нечисти. Необходимо более детальное, более близкое знакомство с потусторонними сущностями, их жизнью. Вот поэтому-то в каждой главе есть внутренняя независимая история (кроме главы восьмой, где эта история является по сути прологом к заключительной части трилогии), рассказывающая о том или ином случае, прежде всего – случае жизни оборотней.

Ещё иные могут возмутиться, мол, в романе многовато нецензурных выражений, насилия и, вероятно, эротик. На что я отвечу: описываемый мир – мир оборотней, зверей по натуре: злобных, агрессивных, беспощадных. Даже аристократичные вампиры ругаются матом, убивают и так далее. Что уж говорить про зверьё... И ещё один аргумент: мат как таковой – часть культуры. Его избыток вызывает отвращение, но полное отсутствие – недоумение. Действительно, в жизни каждого из нас порою наступают такие моменты, когда крепкое ругательство как нельзя больше, гармоничнее сочетается с действительностью, чем пространная, грамотная и культурная речь.

И в заключение несколько слов о музыкальном сопровождении. Мне кажется, любое произведение литературы, тем более произведение современное должно нести в себе ещё и звуковое наполнение. Как то: эпиграфы, цитаты, тексты и фрагменты песен. А издательства в порядке эксперимента могут попробовать продавать подобные книги с обилием музыкальной подоплёки в комплекте с "саундтреками". Глядишь, кое-что и получится...

Один из моих любимых режиссёров, Квентин Тарантино, например, никогда не начинает съемку нового фильма, пока не определится, какая музыка будет открывать картину. Кое-что подобное испытываю и я: сюжеты произведений приходят после прослушивания самых обычных песен. Темой предыдущего романа я бы назвал песню "Серебро" в исполнении "Би-2", а тему нынешнего – "Десять шагов" в исполнении Вячеслава Бутусова. Думаю, вы согласитесь со мной, прочтя следующее:

Я шепнул себе только: «Ура».
Я промолвил всего лишь: «Вперёд».
И когда наступила пора, я сказал:
«До свиданья, народ».

Я не думал, какой я боец,
Я не ведал, какой я солдат.
Но я чувствовал скорый конец,
Сделав первый свой шаг.

И это не песня, это не подвиг,
Это только лишь десять шагов
По недолгой весне.

И это не радость, это не тайна,
Это первые десять шагов
К ближайшей войне...

Вот так. Спасибо, что уделили внимание прочтению этого небольшого вступления.
Сказка будет впереди...

ПРОЛОГ

Всё в порядке, всё нормально...
«Смысловые галлюцинации».

Знаете, какие странные и порою страшные случайности могут произойти с вами в обыденной жизни? Я говорю о том Его Величестве Случае, который вертит людьми подобно цирковому жонглеру, вертящему сонмом факелов. Говорю о том Случае, который направляет молнию в дерево, сидит за баранкой неисправного автомобиля, крутит лотерейный барабан... Случайность на то и случайность, что ее невозможно предугадать. И редко можно успеть хоть как-то приготовить себя к встрече с ней. Особенно, когда случайность выходит за рамки понижения, за пределы разумного и обоснованного описания окружающей тебя действительности.

Молния, лотерейный барабан, неисправный автомобиль – всё это случайности банальные, я бы сказал, неинтересные. Каждый день десятки, сотни, тысячи серебристых разрядов бьют вниз, вырываясь из свинцовых недр грозовых туч. Каждый день проводятся неисчислимые розыгрыши, и сотни счастливиц становятся обладателями ценных призов или мешком с деньгами. Каждый день под колесами внезапно потерявшего управление транспорта гибнут люди... Это неинтересно, потому что привычно и обыденно. Скучно. И к такой случайности можно более или менее подготовиться.

Гораздо интереснее становится, когда ситуация полностью выходит из-под контроля, теряя при этом всяческое логичное либо научное объяснение. Вряд ли у вас была возможность оказаться в такой ситуации. По-настоящему оказаться в такой ситуации... Вряд ли – до сегодняшнего дня. Когда-то я был таким же, как вы: прожженный атеист, уверенный в себе и в завтрашнем дне, искрящийся оптимизмом и желающий знать всё. В моих глазах горел тот же самый свет, который я вижу в ваших. Теперь мои глаза свет не излучают. Во всяком случае, не излучают тот, прежний свет...

Я расскажу вам историю, которую вполне можно назвать историей моей жизни, потому что ничего более существенного со мной не происходило и вряд ли уже произойдет. Все биографические сюсюканья вроде того, где родился, где учился и кому писал любовные письма, я откину сразу, потому что необходимости в них ни на грош. Эта история не о любви, знаете ли... К тому же, вы сами можете всегда навести интересующие вас справки о моем прошлом, которое для меня больше не существует, не имеет веса...

Итак, с чего бы начать? Хм, даже не знаю. Конечно же, начинать следует с начала – трудно представить себе иной вариант. Я лишь задумался о том, сразу ли говорить вам то, из-за чего, собственно, вы и решили со мной встретиться. Или потомить вас немного, поиздеваться... Ведь это в моей крови чуть ли не главная составляющая – использование людей...

Ладно, если вы закажете мне еще пива, я начну.

Что ж, премного благодарен. Вы не скупитесь, когда речь идет о сенсациях, верно?

История, которую я намерен изложить, началась пятого ноября позапрошлого года, то есть около двадцати месяцев назад. С неба падал мягкий снег, непривычно теплый для последнего месяца осени. Хлопья его переливались, сверкали цветами спектра в ярких лучах фонарей уличного освещения, в окнах приступивших к ужину многоэтажек, в горящих глазах редких автомобилей. Было тепло, чуть ветрено, но по-странному пустынно. Рабочий люд сидел дома, смотрел вечерние выпуски новостей, звонил родственникам, пил чай, читал газеты и ужинал. Хозяева темноты – молодежь – еще не спешили в свое царство асфальта и бетона, но наслаждались дешевыми сериалами для подростков, чтобы после было что обсудить в прокуренных и заплыванных подъездах.

А у меня были кое-какие проблемы личного плана. Думаю, у всех людей есть подобные проблемки, вроде бы и не такие уж большие, но в совокупности нагоняющие тоску. А тоску я всегда умел лечить только одним способом – выпивкой. В компании друзей, знакомых, или в полном одиночестве – не важно. И вот шел я по набережной родного города, вдыхал запахи почти зимнего вечера и пил пиво: в моей руке покачивалась бутылка "Балтики". Не спорю, это пиво из разряда дерьмовых, но считаю, что соотношение "цена-качество" вполне приемлемо. То есть, и то и другие держится на том низком уровне, который ещё приемлем. Прodelав путь от Ленинградского моста до моста Железнодорожного, я свернул в обратную сторону. Постоял над пришвартованными теплоходами, уснувшими до летней навигации; понаблюдал за искрящимися торговыми кварталами на том берегу; полюбовался яркой полной луной, окруженной роем вечных спутниц-звезд. настроение было никаким: ни хорошим, ни плохим.

Тоска, что говорить...

За пазухой, приколотый к внутреннему карману куртки, висел маленький цилиндрик mp3-плэйера, подаренный мне на день рождения ещё прошлой девушкой. Случайный выбор послал по тоненьким проводкам электросигнал, преобразовавшийся на динамиках дуговых наушников в звук. На самом деле мне неизвестно, как называются такие наушники: обхватывают ушные раковины сзади и плавно прилегают к слуховому отверстию, так что как ни мотай головой – наушники не соскочат.

Сколько лет прошло,
Всё о том же гудят провода,
Всё того же ждут самолёты...

Довольно печальная музыка подстрекнула во мне новую волну тоски. Опершись руками о парапет, я посмотрел в тёмную воду реки, никогда не замерзающую, вечно текущую с юга на север, равнодушную к раскинувшемуся по берегам городу и равнодушную к человеку, одиноко стоящему над каменным обрывом набережной.

Солист протянул жестокую фразу:

Девочка с глазами
Из самого синего льда
Тает под огнём пулемета...

Я плюнул в беспокойную реку и закурил. По аллее промчалась женщина с сумками, автомобильный мост ниже по течению огласила тревожная милицейская сирена. В голове звучали пророческие слова:

Должен же растаять
Хоть кто-то...

Не мог я знать, что произойдёт в ближайшее время, как круто переменится жизнь, как все её устоявшиеся основы рухнут с грохотом в пропасть, уступая место совершенно иным взглядам, действиям и желаниям. И если бы узнал, то в ужасе содрогнулся, выронил недопитую бутылку пива, легкий хмель вмиг улетучился бы из головы. Но, повторяю, я не мог знать ничего о будущем, о будущем, весьма недалеком и будущем, отстоящим на многие месяцы. И не мог догадываться, насколько слова играющей в наушниках песни соответствуют грядущим событиям.

Скоро рассвет, выхода нет,

Ключи поверни, и полетели.
Нужно писать в чью-то тетрадь
Кровью, как в метрополитене...

Выхода нет. Сейчас я уже могу так сказать, и вы согласитесь со мной, едва прослушаете всю историю до конца. Всё о том же будут гудеть провода, всё того же будут ждать самолёты, поезда и океанские лайнеры, всё по-прежнему кто-то будет таять за высшие цели, вроде бы и благие, но достигающиеся слишком жестокими средствами. Но, как было сказано, выхода, к сожалению, нет...

Почувствовав, что озяб, я поднялся до кленовой аллеи, покрыл расстояние в двести шагов до ближайшего перекрестка и уже хотел пойти на остановку или, быть может, спуститься в метрополитен, чтобы вернуться в свое скромное жилище. Но тут заметил вывеску бара. Называется бар "Арабика". Он и по сей день стоит на том самом перекрестке в конце кленовой аллеи. Что означает слово "Арабика", я не знаю. Да и наплевать мне, честно говоря.

Что-то арабское, надо полагать...

Дернул меня черт зайти в это заведение. В конце концов, времени было еще мало – начало восьмого. Внутри посетителей оказалось немного. Я взял кружку пива, тарелку соленых орешков и прошел вглубь зала, поближе к вопящим динамикам стереосистемы. Не успел я, однако, как следует устроиться, ко мне подсел мужчина. Самый обычный среднестатистический мужчина лет тридцати пяти, с аккуратной прической, в приличной куртке, позолоченных часах... "Не возражаете, если я присяду вместе с вами?", – спросил он, едва я перевел на него взгляд. Скажу по секрету, что в тот момент он показался мне немножко странным, если не сказать больше. Знаете, иногда случается такое, когда каким-то непостижимым образом вдруг чувствуешь в незнакомом человеке определенные вещи, которые заставляют тебя смущаться. А смущение, в свою очередь, вызывает недоверие и нежелание находиться рядом с таким человеком. "Да ради бога", – тем не менее ответил я нейтральным голосом, догадываясь, что же именно мне так не понравилось в незнакомце. Причиной тому были его глаза, контрастировавшие с прочими элементами внешности, как пятна грязи контрастируют с едва выпавшим девственным снегом. Его глаза были похожи на две язвы. У меня сложилось впечатление, что они вовсе не принадлежали мужчине, но были кем-то и зачем-то пересажены.

Однако после кружки пива чувство неприязни к незнакомцу пропало. Тем более что он был, так же как и я, озабочен личными проблемами: постоянно вздыхал, надолго задерживал взгляд на одной точке, внезапно бледнел или, наоборот, покрывался горячей испариной.

Я заказал еще пива и решил завести беседу. Решил и, как говорится, завел. Да так завел, что мы говорили часов шесть кряду. Обо всём. Сейчас я уже не помню, какие темы мы затрагивали в разговоре, но это был самый обычный для вечернего бара разговор. Естественно, мы изрядно выпили, угощая друг друга. Думаю, выпили более чем достаточно, потому что когда бар стал закрываться, мой собеседник в буквальном смысле храпел на столе среди россыпи ореховой шелухи.

Официантка попросила меня забирать своего "друга" и уходить. Другом незнакомца, у которого даже имени не удосужился узнать, я, понятное дело, не считал. Но после шестичасовой душевной беседы говорить этого девушке-официантке не стал. Покрепче схватив безвольное храпящее тело, я выполз на улицу. Если б я сам не был пьян, то вряд ли стал бы возиться с этим человеком. Но! Я был, черт возьми, в дымину пьян. Профессионально обшарив недавнего собеседника, я нашел паспорт, из которого с трудом вычитал прописку. Затем поймал машину, запихал туда храпящее тело и сел сам. Человек может по-настоящему жить там, где прописан, верно? Вот и я подумал: "Почему бы и нет?". Подумал и решил сопроводить мужчину до дома.

По-моему, в ту минуту я руководствовался соображениями, что в большом мегаполисе одинокому пьяному мужчине нечего делать ночью на темных улицах. Может быть, во мне опять сыграли профессиональные привычки.

Как бы там ни было, я сопроводил мужчину до самой квартиры. Немного потрудившись, сумел отомкнуть входную дверь ключами, найденными в кармане его куртки. Затащив почти мертвое от пива тело в комнату и как можно аккуратней уложив его на диван, я посетил туалет, а потом прошел на кухню, чтобы просто-напросто выпить воды. Но едва я протянул руку за кружкой, как из комнаты, в которой должен был тихо-мирно спать хозяин квартиры, до моих ушей донеслись подозрительные звуки. Немного удивившись, я вернулся и обнаружил своего собутыльника стоящим в центре комнаты. Позу он выбрал самую что ни есть стандартную и несложную, в простонародье именуемую "раком".

Я нагнулся, чтобы спросить, хорошо ли мужчина себя чувствует, но в ужасе отшатнулся, едва взглянув на его лицо. Дальнейшее запечатлелось в моей памяти как набор кадров, ряд статичных картинок...

Безобразный оскал жемчужных зубов...

Пылающие то ли красным, то ли зеленым туманом глаза...

Стремительная трансформация...

Прыжок...

Боль...

Его Величество Случай, о котором я говорил в самом начале нашей беседы, подкинул мне такую штуку! Ни я, ни вы, ни один нормальный человек никогда бы не подумал, что вещи, призванные жить лишь в сказочных историях, могут существовать в реальности.

В первые секунды нападения я совершенно не отдавал себе отчет о происходящем. Виной тому были мощный психологический шок и сильная боль. Я даже не смог бы сказать, какой именно частью тела чувствую боль. Казалось, меня с головой окунули в расплавленный металл. Прошла целая вечность, прежде чем я смог вылезти в подъезд, где потерял сознание. В подъезде меня и нашли жильцы, собравшиеся с утра на работу. Они вызвали "скорую", ментов, неумело перевязали рваные раны, отвратительные лохмотья, в которые превратились мои ноги и спина, руки и живот...

Случайность свела меня с таинственным незнакомцем, и случайность же оставила меня в живых. Мне крупно повезло, если можно так сказать. Ведь мое тело изорвал не человек, а существо, задуманное как машина убийства. И я уцелел.

Что вы говорите? Вервольф? Ну почему же таким тоном, будто я вам выпыживаю дешевенькую бульварную сплетню... Да, то существо было вервольфом.

То существо было оборотнем...

И моё знакомство с ним, как выяснилось много позже, случайностью не являлось...

ГЛАВА I

*Я вижу огни,
Виджу пламя костров.
Это значит, что здесь
Скрывается зверь...
«Наутилус Помпилиус».*

Я почувствовал, что включился. Это было похоже именно на включение, а не на подъем с условной глубины условного озера. Точно чья-то рука щелкнула переключателем, впуская в мое тело жизнь. Вместе с тем масса запахов ударила в нос, среди которых я безошибочно определил характерный запах медикаментов. До моих ушей донеслось ритмичное попискивание, слабое, но тем не менее отлично различимое на фоне полной тишины. Электронный писк раздавался синхронно с ударами моего сердца, так что не оставалось сомнений, что источник этого завораживающего, гипнотизирующего звука – медицинский аппарат.

Очевидно, я в данный момент нахожусь в больнице; иные предположения делать просто бессмысленно. Ни с чем не сравнимый запах лекарств, аромат обеззараживающего хлора и кварцевой лампы, писк анализирующей аппаратуры...

Я невольно дернулся. Все тело ощутимо покалывало, но нельзя сказать, что это было неприятно. Резкое движение спровоцировало появление "мурашек", которые решили устроить на моей коже и в моих мышцах всемирный, массовый забег. Впрочем, я не обратил на них ни малейшего внимания, кроме как отметил появление оных.

В данную минуту моя голова была занята совсем другим. Ведь когда я очнулся, когда резко выскочил из небытия в мир реальный, в этот же момент безо всяких нарастаний и переходов в мозгу разом вспыхнули воспоминания. Картинки, цветные, четкие картинки с изображением того, во что я не мог заставить себя поверить.

Желудок отчаянно завибрировал, и по телу от кончиков пальцев на ногах до самой макушки разлилась паника. Я почувствовал необходимость немедленно что-то делать. Лишь бы отвлечься от сумасшедших, бредовых воспоминаний. Я дернулся сильнее, стараясь разогреть отекающие конечности. Открыл глаза. На беленом потолке не было ничего примечательного кроме истрескавшейся под действием времени и влаги известки, и я скосил взгляд в сторону источника единственного доступного мне для восприятия звука. Слева от кровати, на которой мне посчастливилось очнуться, стояла тумбочка с вазой, в которой медленно увядали астры. За тумбочкой разместилась подставка с электронными устройствами, напомнившими мне древние катушечные магнитофоны для шестнадцатимиллиметровой пленки. Среди этих ящиков мягко излучали два небольших монитора. По экрану одного из мониторов бежала кривая линия кардиограммы, на втором – непонятные английские аббревиатуры и графики.

Напрягшись, я принял сидячее положение, попутно вырвав из носа кислородные трубочки. Кислород по ним явно не шел, и что они делают в носу – непонятно. Еще раз глянув на астры, сделал вывод, что посетителей было не так уж много.

Дверь в палату резко открылась, и я шумно выдохнул от неожиданности. Вошла ничем не примечательная медсестра среднего возраста.

– Виталя, вам нельзя вставать! – заботливо сказала она, положив свою ладонь мне на лоб. Таким ненавязчивым, мягким, но настойчивым образом она заставила меня вновь улечься. – Вам нужен покой.

– Всё в порядке, – нерешительно возразил я.

– И ничего не в порядке, – наставительным тоном ответила медсестра. – Пока врач не разрешит вам двигаться, будете лежать.

Я вздохнул. Желания спорить с женщиной не появилось. Да и сил, честно говоря, на это не было. Все силы, которыми я располагал после пробуждения, ушли на подъем корпуса, а большая их часть – на подавление панического ужаса, вознамерившегося завладеть моим существом. Ведь то обстоятельство, благодаря которому я оказался на больничной койке, не может не вызвать дикого первобытного страха, пробирающего до мозга костей ужаса. Однако я все же спросил ломающимся голосом:

– От кого цветы?

Медсестра, деловито проверяющая что-то на регистрирующей и анализирующей аппаратуре, бросила взгляд на вазу, затем на меня.

– Это ваш друг принес, Николай. Он каждый день заходит. – Она улыбнулась. – Друг ваш и сейчас здесь.

– Серьезно? Я бы хотел его увидеть.

– Вы слишком слабы, Виталий. Вам нужно поспать, набраться сил, а там уж и посетители...

– И все-таки я бы попросил вас пригласить его, – перебил я заботливое ухаживание женщины.

– Вот когда лечащий врач разрешит посетителям навещать вас...

– Так позовите врача, – уже окрепшим голосом сказал я. Смутная, призрачная, едва ощутимая волна раздражения разлилась от живота.

– Сейчас почти три часа ночи, Виталия, – с улыбкой ответила медсестра, и я только теперь заметил, что улица за наполовину занавешенным окном в самом деле темна. – Врач спит дома. Возможно, завтра...

Договорить она не успела, потому что в дверь просунулась белобрысая голова Николая. Медсестра обернулась, уперла руки в бока и пару секунд с укоризной смотрела на визитера, а потом махнула:

– Ай, ладно. Только сильно не утомляйтесь! – Это она сказала мне. Затем уже Николаю добавила: – А вы его не утомляйте!

Николай хмыкнул и кивнул. Когда женщина вышла, прикрыв за собой дверь, он подошел к кровати и участливо спросил:

– Как ты?

– Как будто по мне асфальтовый каток проехался, – трагично скривился я. – Туда и обратно.

Николай присел на краешек кровати. Приятель мой был крупным человеком. Не толстым, а просто крупным. Скрипнув, сетчатая основа моей койки заметно прогнулась.

– Не хочешь рассказать, что произошло?

– А по-твоему, что произошло? – уклонился я от ответа. Желание делиться с кем бы то ни было своим предположением не появилось, но вот некая потребность в такой исповеди ощущалась ясно. Да, именно, потребность в исповеди...

Черт, все-таки сложно удержать в себе то знание, которым я сейчас обладаю. Практически невозможно, бес меня побери...

– Ты хочешь услышать мою версию? – вскинул бровь Николай. – Честно говоря, первый раз в жизни у меня нет ни одной рабочей версии, ни одного более или менее разумного объяснения. Поэтому мне очень хочется услышать от тебя, что же произошло.

Я отвел глаза:

– Вряд ли тебя удовлетворит мой ответ, Колян.

– И все же попробуй, – посоветовал друг. – Ты пришел в себя, а это означает, что завтра тебя навестит следователь. К сожалению, я твое дело по объективным причинам вести не могу, но так как мы с тобою давние друзья, хочу во всем разобраться.

Я вновь посмотрел в глаза Николая. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые, как я знал, больше всего нравятся женщинам: высокий мускулистый блондин с голубыми глазами и пухлыми, как у ребенка, губами. Работал Николай следователем по убийствам при городской прокуратуре, что добавляло изрядную ноту романтизма в общую картину окружающего его шарма.

Короче, девки тащились по Коляну как ненормальные. Не удивлюсь, что и медсестра попала под действие его харизматической личности, раз оказалась такой сговорчивой.

– Ты получил серьезные травмы, мощный психологический и болевой шок. Я понимаю, что сейчас ты можешь ничего не помнить...

Я заметил синюю папку, что Николай держал в руках, едва он зашел. Спросил:

– Материалы касаются меня?

– А? – Он опустил взгляд на папку. – Ах, да. Здесь кое-какие фотографии и копии медицинских отчетов.

– Дай взглянуть, – попросил я.

– Ты уверен?

– Уверен.

Синяя папка переключалась в мои руки. Я не без усилий принял удобную позу и выудил из папки тонкую стопку цветных фотографий. От первой же из них я бессознательно вздрогнул и открыл рот. Не очень приятно оказалось смотреть на самого себя, распластавшегося на бетонном полу в луже крови, сочащейся из многочисленных рваных ран.

– В таком виде тебя обнаружил один из жильцов, – прокомментировал приятель, – он живет двумя этажами выше. Где-то в половине седьмого утра он отправился на работу. Говорит, что предпочитает лифту лестницу. Именно он нашел тебя и сразу же позвонил в "скорую", а потом в милицию. Кстати говоря, он работает фотографом на одну из городских газет, и никогда не расстается со своим фотоаппаратом. Поэтому у нас есть эти снимки.

Я попробовал мысленно представить себе того фотографа. Получился этаким высокий, худощавый мужчина с густой черной бородой длиной в пару сантиметров и с бакенбардами. На шее на красно-черном ремне болтается добротный фотоаппарат, который при ходьбе легонько шлепается о выпирающее пивное брюшко. Вполне возможно (даже более чем вероятно), я представил фотографа совсем не так, каким он выглядит в действительности. Он может не носить бороду и баки, вовсе быть не брюнетом, но животик, я уверен, отрастил. Иначе как объяснить его предпочтение пользоваться лестницей вместо лифта, тем более что, получается, он живет на одиннадцатом этаже. Такие люди хотят внести в свою жизнь хоть капелюшку спорта, но бегать по утрам и три раза в неделю ходить в спортзал им лень. Вот и отделяются сами от себя коротенькой утренней разминкой, да ходят там, где гораздо удобнее воспользоваться техникой. Полагают, что такой "спорт" может принести пользу.

Я взглянул на следующий снимок. Рваная рана ноги крупным планом, видна кость.

– Тебя изорвали в буквальном смысле. Живого места не было. Благодаря Господу Богу и медиков за то, что до сих пор дышишь. Я таких травм не видел с тех пор, как служил в Чечне. Да и то парень, подорвавшийся на mine, выглядел не в пример живее...

Новый снимок. Широкие кровавые разводы на полу. Скорее всего, от спазматических движений руками.

– Такое впечатление, будто на тебя напала стая собак. Это были собаки?

– Нет, это были не собаки. На меня напало лишь одно существо, но точно не собака.

– Врачи за то время, что ты провалялся в коме, успели провести анализ укусов и других ранений. У меня есть копия отчета, в котором сказано, что они не смогли установить, какие

именно животные на тебя напали. Нет сомнений в том, что ты подвергся нападению крупных хищников, но укусы не похожи ни на собачьи, ни на кошачьи. Это были не волки, не тигры, не кабаны и не медведи. И даже не акула, а ведь ходило такое предположение.

– Какое сегодня число? – спросил я, когда Николай сделал паузу.

– Двенадцатое ноября, – ответил тот, пристально глядя на меня.

– Выходит, я пролежал в койке целую неделю.

– Ты мог бы проваляться бесполезным мешком с костями гораздо дольше, кабы не милость Небес. Не томи, скажи уже, что именно тебя так покалечило.

– Вряд ли тебя удовлетворит мой ответ, – повторил я, сделав попытку улыбнуться. Получилось не очень хорошо.

– Послушай, Виталья, – медленно и холодно произнес Николай, – в квартире, из которой ты выполз, нашли труп мужчины. Мертвый голый мужик лежал посреди коридора кверху жопой. Видимых телесных повреждений на нем не нашли, но впоследствии обнаружилось, что причиной смерти явилось какое-то ядовитое соединение мышьяка. (В гостиной, ко всему прочему, нашлись изорванные остатки одежды.) Тебя никто ни в чем не обвиняет, но я не хочу, чтобы дело внезапно приняло неожиданный поворот.

Я взглянул на очередную фотографию и увидел то, о чем, точнее, о ком говорит приятель. На снимке голый и явно мертвый мужчина в неестественной позе согнулся на линолеуме. И в самом деле – кверху жопой.

– Начни с того, как ты оказался в этой квартире, – предложил Николай.

– Чисто случайно. Решил съездить в центр, прогуляться по набережной. Зашел в кабак, а там ко мне подсел этот... Ну, разговорились, пива нажрались дико. Когда бар закрывался, он просто-напросто спал, и мне как-то неудобно было оставлять его на улице. Вот и решил сопроводить бедолагу до дома. Нашел у него паспорт, узнал прописку, поймал тачку. Когда я затащил его в квартиру, то направился на кухню, чтобы воды попить, но тут же услышал странные звуки. Вернулся, а он стоит на четвереньках и хрипит. Я-то думал, что ему от пива плохо стало, подошел, спросил, как самочувствие. Потом...

– Что потом? – прищурился Николай.

– Потом он на меня напал.

– Кто? – не догадался друг.

– Мужик этот, – спокойно пояснил я.

– Какой мужик? – еще больше удивился Николай.

– Этот самый. – Я щелкнул средним пальцем по фотографии.

– Ты ведь не хочешь сказать, что это он стал причиной всех твоих травм?

– Именно это я и хочу сказать, – вздохнув, согласно кивнул я головой.

– Бред, – констатировал Николай. – Ни один из укусов не принадлежит человеку. К тому же есть раны от когтей. Когтей животного...

– Я говорил, что ты будешь не в восторге от моего объяснения, – опять вздохнул я, исполненный печали.

– Но это не объяснение, а чистой воды бред! Как человек, пусть ополоумевший, находящийся в состоянии аффекта, может нанести такие раны?

– На меня напал не человек.

– Но ты же сказал...

– Послушай! – перебил я раздраженно. – Когда я к нему нагнулся спросить о самочувствии, он был человеком. Но через секунду, спустя какое-то мгновение превратился в косматое чудовище!

Николай открыл рот и с тоской во взгляде посмотрел мне в глаза. Затем, быстро переменявшись в лице, покачал головой и небрежно сказал:

– Бред. Пожалуй, зря я к тебе сегодня зашел. Ты далеко не в норме, приятель.

– Я не псих и не в бреду, – еще больше раздражаясь от неверия друга, ответил я. – Я отчетливо помню, что произошло в тот момент.

– Ты же не понимаешь, что несешь! – воскликнул Николай. – Ты утверждаешь, что подвергся нападению... оборотня!

Я не стал отвечать словами, просто кивнул.

– Бред, – в очередной раз бросил приятель.

– В том-то и дело, что это не бред, а чистая правда. И пока ты в конец не поверил, что я псих, послушай следующее. В ночь с пятого на шестое было полнолуние; характер разрыва ткани одежды, которую ты наверняка видел, может навести на мысль, что ее обладатель внезапно увеличился в объеме; предполагаемый хищник или хищники, которые меня якобы искушали, никем не обнаружены, разве не так?

– Причем здесь луна? – поморщился Николай, игнорируя мой вопрос. Его лицо, и так от природы светлое, приобрело цвет молока.

– Оборотни превращаются в кошмарных тварей именно в полнолуние. – Я ответил поспешно. – Но самый главный аргумент в мою пользу – это мое теперешнее состояние. Получив столь многочисленные и столь серьезные раны, я через неделю выгляжу как новенький! – В подтверждение своих слов я откинул одеяло, демонстрируя другу рубцы от затянувшихся ран. Одновременно с этим я поместил фотографию своих изуродованных ног прямо перед его носом. – Да после всего этого я вообще жить не должен!

– Ну... Врачи сказали, что такая быстрая регенерация иногда встречается в природе.

– Когда мне в прошлом году прострелили ногу, я не мог нормально двигаться два месяца! – воскликнул я, чувствуя, как противное раздражение разлилось по всему телу. – А теперь, после таких укусов...

– Но я всё равно не могу тебе поверить. Оборотни – это ведь сказка, выдумка!

– Да пожалуйста. Я не требую от тебя никакой веры. Просто другой версии у меня нет, извини.

Мы достаточно долго молчали, глядя друг другу в глаза. От Николая сквозило недоверием, от меня – раздражением. Наконец он тихо произнес:

– Советую перед тем, как придет следователь, придумать другую историю. Иначе ты рискуешь загреметь в психушку.

– Не стану я ничего такого ему говорить, – выдержав паузу, заверил я. – Тебе сказал только потому, что ты друг как-никак. Мне казалось, ты должен поверить.

– Прости, но не могу. Ты заставляешь меня сделать невозможное.

– Что ж, – вздохнул я в очередной раз, стараясь разрядиться, выгнать из себя злость, – время покажет.

Николай шумно выпустил воздух мне в ответ и долго массировал переносицу.

– Какое же объяснение ты дашь наличию в теле Красникова соединения мышьяка?

– Красников – это тот мужик? – поинтересовался я.

– Ты ж с ним несколько часов бухал, да к тому же паспорт видел. Только не говори, что не знаешь, как его зовут.

– Если честно, то не знаю. Не знакомились почему-то. А что касается яда, я не имею ни малейшего понятия, кто его отравил.

* * *

Серое, холодное небо стремительно темнело. Рваные, так похожие на лохмотья древнего савана тучи быстро летели на юго-восток. Они несли в себе уже не дождь и грозу, но мокрый

снег, который по прошествии этой ночи осядет на ветках, на опавших листьях и на пожухлой траве. Пока же лишь небольшие, жиденькие белые островки виднелись тут и там, пятнами выделяясь в сумраке. Сквозь прорехи на небе изредка выглядывала луна, бледная, дрожащая и невероятно крупная.

Генерал поднял глаза и посмотрел на тучи как раз в тот момент, когда призрачный кругляш ночного светила полностью открылся взору. Лицо старого солдата на секунду побледнело в свете луны, уподобившись ей самой. Лишенное растительности, лицо генерала стало похоже на камень, оно казалось ликом статуи, высеченной из белого мрамора.

Зябко кутаясь в длинную шубу из шкуры белого леопарда, подошел легат Антоний, назначенный Сенатом сопровождать войска в нынешней кампании. Антоний встал рядом с генералом, мгновение пристально всматривался в густой лес на той стороне высохшей до весны речушки, а потом спросил:

– Генерал, вам не кажется, что мы впустую теряем время? Противник должен был появиться почти сутки назад, но до сих пор о нем ни слуху ни духу. Очевидно, остатки норманнов спасовали перед войсками Империи.

– Вряд ли, господин легат, – не поворачивая головы, ответил генерал. – Эти норманны люди очень смелые и отважные, они никогда не поворачиваются спиной к своему врагу и не пасуют перед ним. Мы будем ждать столько, сколько окажется необходимым.

– Однако, я бы посоветовал вам, Рикрион, сворачивать войска, – более властным, чем следовало, тоном возразил Антоний. Формально он обладал властью над всем Корпусом, но прекрасно понимал, что легионеры никогда не пойдут за ним, не подчинятся его приказам. Они пойдут за своим генералом. И поэтому легат уже не первый месяц тщетно пытался разъяснить упрямому Рикриону, кто на самом деле должен быть хозяином Корпуса. Ведь три северных легиона – это собственность Римской Империи, а легат Антоний Митий – полномочный представитель Сената. – Нам нужно вернуться в Германию и соединиться с Корпусом генерала Актиния. Северная Франция уже завоевана, она на полном основании вошла в состав Империи. И нечего здесь прозябать в бесплодном ожидании неприятельской армии.

Поднялся легкий, но пробирающий до костей бриз. Тигриная шкура, накинутая поверх позолоченных доспехов генерала, затрепетала, и Рикрион поспешил закрепить ее на поясе. Широкие ножны гладиуса тихо звякнули о стальные поножи.

– Северная Франция опустошена и разорена, но не завоевана. Пока в этих землях есть боеспособные мужчины, мы не можем развернуть легионы.

– Значит, вы в самом деле полагаете, что сюда прибудет вражеское войско?

– Да. В любом случае, я жду дозорных.

– Ваши дозорные наверняка сгинули в одном из многочисленных болот этого проклятого леса. Мы не можем ждать их целую вечность.

– Мои дозорные знают местность не хуже самих норманнов, господин легат, – твердо ответил Рикрион. – Поверьте моему опыту, нам предстоит битва. И молитесь богам, чтобы она произошла не раньше рассвета, не раньше, чем полная луна скроется за горами.

Антоний удивленно посмотрел на генерала, а потом презрительно скорчился и пошел прочь. Ему до дрожи в коленях осточертела эта проклятая страна, эти проклятые болота и эта вечная грязь, никогда не проходящая, присутствующая, кажется, даже в морозном воздухе. Рим. Рим – вот то место, где легат хотел оказаться как можно скорее. Место, где дуют теплые ветра Средиземного моря, а не ледяные потоки Атлантического океана. Рим. Столица цивилизации, единственное во всем мире место, где можно жить достойно. Там нет никакой грязи, нет чумазных оборванцев, коими полнятся дикие земли Европы. Там нет постоянного ожидания неприятностей и не слышно звона мечей. Нет криков боли и длинных рядов истекающих кровью воинов...

Легат откинул полог входа и позвал своего адъютанта:

– Карл!

Как по волшебству, подле него появился низенький, начинающий лысеть Карл. В привычной для него манере он протараторил:

– Что угодно господину?

– Скачи к капитану Диолису. Скажи, чтобы возвращался. На рассвете мы двинемся назад.

– Мой господин, генерал Рикрион приказал манипулам Диолиса ждать в засаде! – поднялся адъютант, округляя глаза. – Ведь армия ожидает вражеское нападение!

– Не будет никаких врагов, не осталось больше в этих землях никаких армий кроме нашей! – раздраженно рявкнул легат. – Прошли почти сутки с того времени, когда они должны были быть здесь. Наш генерал, как и все мы, устал от этой войны, а усталость может сделать человека навязчивым. Завтра выпадет первый снег, через неделю Франция утонет в сугробах. Я не намерен зимовать в этой богами забытой дыре...

– Но если все же враг... – затараторил адъютант.

– Выполнять! – прикрикнул на него Антоний. – Живо к Диолису!

Карл побледнел и залепетал слова извинений. Впрочем, через несколько секунд он уже выскочил наружу и мчался к своей лошади. Четыре манипулы капитана Диолиса, образующие кавалерийскую когорту, ожидали в засаде с западной стороны леса. Хитрый тактический прием, древний, как само искусство верховой езды.

Карл, изредка гаркая на лошадь, пересек русло высохшей речки, проскакал вдоль опушки темного, мрачного леса и в условном месте свернул под сень деревьев. Стараясь не издавать лишнего шума, он углубился в чащу, постоянно щурясь в попытках разглядеть замаскированных всадников.

Где-то далеко раздался вой. Он мог бы принадлежать волку, но был более низким и грубым. Хотя, кто знает, какие зверюги обитают в этих лесах... Карл подавил в себе волну паники, но едва он это сделал, как вой раздался гораздо ближе. Ему вторил еще один, и еще один, и еще... Через минуту уже весь лес погрузился в кошмарный, ни с чем не сравнимый гвалт волчьих песнопений, так леденящий душу. Адъютант легата Антония Мития свалился на холодную землю, вскрикнул и на всякий случай откатился в сторону, чтобы обезумевшая лошадь ненароком не наступила на него.

Однако Карл обезумел сам, когда его лицо застыло в сантиметре от окровавленной головы капитана кавалерийской когорты Диолиса.

Больше Карл не издал ни звука, потому что крупное косматое существо с горящим взглядом перекусило ему шею.

Генерал насторожился, когда из чащи донесся вой волка. В одно мгновение перестав чувствовать холод, он вспотел, а когда к первому волку присоединилась песнь еще нескольких десятков, он сжал губы настолько плотно, что они побледнели еще сильнее, выделяясь тонкой белой полоской на фоне и без того белого лица.

Генерал окликнул центуриона боевых машин:

– Приготовить катапульты!

По поднимаемому шуму было ясно, что солдаты трех легионов отнеслись к многочисленному вою волков весьма недвусмысленно.

– Прикажите воинам занять позиции, – обратился Рикрион к капитанам и центурионам. – Выполняйте построение.

Загремели тяжелые доспехи легионеров. Первый легион занял позицию быстрее прочих, образовав ровный квадрат со стороной в две когорты. По периметру легиона стояли тяжелооруженные воины с массивными, в рост человека деревянными щитами, окованными металлом, и копьями. В центре расположились мечники, облаченные в более легкие доспехи. Через

десять минут второй и третий легионы также заняли свои позиции, и теперь все три легиона вместе образовали на пологом склоне холма правильный треугольник, стоя в его вершинах.

Позади легионов в шеренгу выстроилась центурия лучников, а перед лучниками – две центурии воинов с широколезвийными гладиусами.

Когда боевые порядки успокоились, в холодном воздухе разлилось напряжение. Легионеры догадывались, что битвы с норманнами не избежать. Теперь не избежать. А некоторые из легионеров, как знал Рикрион, догадывались, с какими именно норманнами предстоит сразиться. Эти северные земли еще тысячу лет назад полнились слухами о великих, неустрашимых воинах, вышедших из рода викингов...

Луна вновь выскочила из-за мрачного занавеса, и генерал отчетливо увидел выезжающих из леса всадников. Их были десятки, они медленно, но смело открывали себя, появлялись перед замершими легионами. Их преимущественно черные лошади фыркали, пуская струи разгоряченного воздуха. Через пару минут Рикрион мог насчитать уже три сотни норманнов, облаченных в теплые накидки из шкур волков и медведей.

Генерал до последнего надеялся, что в нынешней Римской военной кампании ему посчастливится не встретиться с этими воинами-норманнами. Только не с этими. Но судьба распорядилась иначе, и теперь три легиона Северного Корпуса армии Римской Империи, посланных завоевать Францию и Нормандию, рискуют исчезнуть с лица земли.

Рикрион отдавал себе ясный отчет в том, что происходит, и знал, что произойдет. Кабы его воля, он ни за что не повел бы людей в эти земли, но приказ императора обязан был выполнить. И теперь три римских легиона, шестнадцать когорт, шестьдесят четыре манипулы, сто тридцать одна центурия – более шести тысяч воинов и полторы сотни прислуги из обоза падут на поле боя.

Рикрион не сомневался в исходе битвы. Перед далеким походом в чужие, негостеприимные края он проштудировал всю литературу, в которой так или иначе упоминались французские и нормандские земли. Генерал верил в богов и в то, что боги заселили эти земли страшными существами, непобедимыми воинами, отчаянными, сильными и свирепыми, как звери, шкуры которых колыхались на их плечах.

Перед Корпусом выстроилось чуть более трех сотен всадников. Они хищно улыбались, скаля жемчужные зубы, и потрясали огромными мечами.

То были люди-волки.

Берсерки.

Полная луна выглянула еще раз, и берсерки ринулись в атаку.

– Катапульти к бою! – приказал генерал.

Запальщики подожгли тряпичные веревки, воткнутые в округлые глиняные сосуды объемом в две человеческие головы. Враг стремительно приближался, пришпоривая коней, и когда условная линия была пересечена, генерал крикнул:

– Режь канаты!

Мечники с поднятым над головой оружием и ожидавшие приказа, рубанули толстые канаты, удерживавшие катапульти в заряженном боевом положении. Шестнадцать сосудов с маслом устремились по воздуху навстречу врагу и уже через полминуты обрушились на головы норманнов. Огненные брызги разлетелись в разные стороны, берсерки яростно заорали, на мгновение нарушив свое сумбурное построение, но тут же с новой силой бросились вперед.

– Лучники, запаливай! – рявкнул генерал. Затем махнул мечом, и сотня огненных стрел перечертила небо над головами легионеров.

Это было красиво. Рикрион подумал, что это последнее красивое зрелище, которое суждено увидеть...

Стрелы сбросили с лошадей около двух десятков норманнов. Слишком мало. К тому же теперь, когда враг почти вклинился в первые когорты, лучники стали бесполезными. Как и катапульты.

Возможно, есть мизерный шанс выстоять, если только манипулы Диолиса подспеют вовремя.

Если Диолис и его всадники живы...

Норманны на полном ходу врезались в строй легионеров. Они не жалели лошадей, и тех прокалывало копьями почти до хвостов. Проворно перепрыгивая через головы бедных животных, обреченных на мучительную смерть, норманны в буквальном смысле обрушивались на оперенные шлемы легионеров, внося в четкое боевое построение хаос и панику. Зазвенела сталь клинков, закричали десятки пронзенных римлян. Рикрион со своего возвышения видел, как легли передовые манипулы. Легионеры, утратив привычное и надежное построение, впали в панику, пытаясь разрубить прытких, проворных норманнов. Большинство ударов гладиусов приходилось на шлемы и кирасы самих легионеров, сердце генерала многократно облилось кровью, когда он видел, как его воины истребляют друг друга.

Второй и третий легионы стояли не двигаясь. Они ждали развязки. Ведь в бой они вступят лишь в том случае, если четыре передовые когорты не остановят нападающих.

Впрочем, не так уж и долго незадействованные воины Северного Корпуса ждали развязки. Когда последний воин из почти двух тысяч солдат первого легиона рухнул наземь, пронзенный мечом викинга, Рикрион пришпорил коня, высоко поднял свой гладиус и, проносясь между вторым и третьим легионом, закричал:

– За Империю!

Центурионы секунду соображали, а затем, копируя генерала, в голос заорали: "За Империю!" и отважно бросились вслед Рикриону.

Норманны, чье количество едва уменьшилось, разделились на две группы и с нечеловеческим воем налетели на легионеров. Боевые порядки ломались, точно съедаемые лавиной, римляне отчаянно отбивались и кричали.

Рикрион успел разрубить головы трем викингам, прежде чем в его коня вонзился огромный боевой топор. Генерал свалился в затвердевшую грязь, но тут же вскочил на ноги, отражая удары мечом. Краем глаза он видел, как норманны поочередно падали на четвереньки и в мгновение ока менялись, превращаясь в угольно черных, здоровенных, не меньше молодого быка, собак. Легионы завизжали от ужаса, воины Империи бросились врассыпную.

Генерал Рикрион успел умертвить еще двух противников, после чего свирепый берсерк с пылающими глазами завалил его и отгрыз голову...

* * *

Я выписался из больницы через неделю после того как очнулся. За это время я успел два раза поговорить со следователем и три раза – с Коляном. Как и советовал друг, я ничего такого следствию не говорил. Даже не намекал на что-то ненормальное. Отмахивался фразами типа «ничего не помню» и так далее. С Николаем я также предпочел тему оборотней не обсуждать. Благо, он успокоился, когда понял, что я не имею желания ничего доказывать и вспоминать ту кошмарную ночь.

Ну почему, скажите мне, пожалуйста, люди иногда бывают такими тупыми? Ведь Николаю достаточно было сложить два и два, и получилась бы цельная, истинная картина произошедшего кошмара. В ту пору я сравнивал его с Даной Скалли из телесериала "Секретные материалы". Он казался мне точной копией той скептической дуры, которая не верила ни во что

сверхъестественное, пока не стало слишком поздно. Вот вы, к примеру, сделали хотя бы условное предположение, что оборотни имеют место существовать в действительности по тем фактам, которые я изложил Николаю? В конце концов, все предельно ясно: множественные раны от зубов и когтей неизвестного науке крупного зверя, странным образом разорванная одежда, мертвый и абсолютно голый мужчина, стремительное выздоровление жертвы, которой полагалось уйти в царство мертвых... Мне кажется, эти аргументы должны разбить любую стену скептицизма. Ну, не разбить, так хотя бы пошатнуть.

Оборотня, который напал на меня, звали Василий Сергеевич Красников. Он родился девятнадцатого февраля 1969 года где-то под Рязанью, но большую часть жизни прожил в нашем городе. Следствию не удалось установить, где этот человек работал (если он где-то работал, конечно же), и есть ли у него родственники или близкие люди. За телом никто не явился, и его кремировали. Соседи отзывались о нем как об очень скрытном, необщительном человеке и почти ничего больше не могли добавить.

Я подозреваю, что Красников, будучи оборотнем, имел кличку Ванго. Почему я так думаю, объясню немного позже.

Сейчас же хочу рассказать, как мне жилось первое время. В принципе, ничего сильно не изменилось. Это вампиры начинают днем спать, ночью бдить, жаждать человеческой крови и пугаться солнечного света. В себе же я не чувствовал никаких физиологических отклонений и изменений. Единственное изменение, которое я заметил – это повышенная раздражительность. Я мог завестись буквально на пустом месте, постоянно психовал, злился, мне становилось всё сложнее удерживать себя в руках.

Помню, однажды я смотрел телевизор. Шел какой-то фильм, уже не помню его названия. Так вот, мне не понравилось, что показ постоянно прерывается идиотской рекламой. Существуют ведь определенные правила для телекомпаний, касающиеся рекламы. Ну там, эфирное время между рекламными блоками, продолжительность самих блоков, громкость и так далее. Правила хорошие и, на мой взгляд, справедливые. Беда только в том, что руководство большинства телекомпаний – эти ублюдочные жирные еврейские морды – так не думает. Короче говоря, мало того, что они урезали фильм, продолжительность которого – я точно знаю! – два часа, до одного часа сорока минут (то есть попросту выкинули двадцать минут), так их гребаная реклама, совершенно тупая и бездарная, выходила в эфир каждые одиннадцать минут! И шла семь минут! И за эти семь минут один и тот же дебильный рекламный ролик бездарных создателей, у которых в голове вместо мозгов микс из мочи и дерьма, мог повториться несколько раз! Вы понимаете, о чем я говорю? Понимаете? Я говорю о том, что эти суки обрезают фильм на двадцать минут, но при этом умудрились растянуть его показ почти на три часа, из которых ровно один час я потратил на просмотр фекального маразма!

В общем, я решил, что меня поимели в задницу. А так как я гетеросексуалист, меня подобный расклад, мягко говоря, не устроил. Я решил дозвониться до этой телекомпании и высказать всё, что думаю о ее хозяевах, о ее рекламных агентах и прочих имбецилах, зачисленных туда на работу. Однако, когда я поднялся с дивана, то в темноте не разглядел ножки журнального столика, больно пнул ее, не удержал равновесия и плашмя рухнул на этот самый столик. А его столешница, кстати сказать, выполнена из стекла. Такой большой стеклянный прямоугольник. И я, разнеся стекло вдребезги, провалился в стол!.. Я ушиб голову, поцарапал руку и ногу, но по счастью остался жив. Багровея от злости, снял трубку телефона и набрал номер справочной, однако пресный, бесцветный голос какой-то бабы ответил мне, что, мол, "ваша линия отключена за неуплату". При том, что я за телефон-то платил!

Для телевизора и телефонного аппарата вечер закончился плачевно, так как я запустил один в другой.

Вы спрашиваете, зачем я повышаю голос? Просто даже сейчас, вспоминая события древности, начинаю злиться.

Но я отклонился от темы. Итак, когда меня выписали из больницы (лежал я в ГКБ), начальство выделило мне месячный оплаченный отпуск в связи с ранением и психологической травмой. Первое время я не знал, чем заняться, и просто слонялся по городу, тратя отпускные.

Предпочитал гулять в светлое время суток и только по тем маршрутам, в безопасности которых более или менее уверен.

А ночью мне снились странные сны. Они приходили почти каждую ночь. Любой другой бы на моем месте назвал бы их кошмарами. Я же чувствовал, что это не просто сны, но сны-воспоминания. Воспоминания о событиях, в которых я лично не принимал, не мог принимать никакого участия. Мне снились античные города, непроходимые болотистые леса, средневековые замки. Снилось прошлое. А после пробуждения сохранялось устойчивое чувство, что это мое прошлое.

Я подозреваю, что вместе с укусом оборотня кроме проклятия переходит еще какая-то память. Память прошлых поколений вервольфов, которые жили до меня. Так что Ванго, подаривший мне проклятие, подарил и эти сны...

ГЛАВА II

*Наша красота – подлая судьба,
Нас ещё погубит навсегда...*
«Агата Кристи».

Отец Иридий, настоятель церкви в местечке Борэ, уже лег спать, отужинав, в своем маленьком домике рядом с церквушкой, когда в дверь постучали. По-старчески шаркая сандалиями, Иридий подошел к двери и отворил.

– Доброй ночи, господин, – поклонился невысокий худощавый юноша с копной рыжих волос на голове. – Вы извините ради Бога, что так поздно, просто мне негде переночевать, и я подумал...

– Я понял тебя, сын мой, – поклонился в ответ Иридий. – Пожалуйста, заходи. Я с удовольствием накормлю тебя и позволю провести ночь в моем доме.

– О, вы так добры, господин! – улыбнулся юноша, входя в дом.

– Прошу, называйте меня отец Иридий. Мне так, знаете ли, привычнее.

– Выходит, вы настоятель церкви, которая стоит рядом с этим домом? Мне вдвойне приятно, что я удостоился чести переночевать в доме святого отца!

Иридий, замахав руками, чуть смутился и попросил молодого человека пройти в трапезную. Затем он достал из одного кувшина несколько кукурузных лепешек, а из другого – кринку козьего молока.

– Чем богаты, как говорится, тем и рады, – извиняющимся голосом прокомментировал он. – Мяса в моем рационе не имеется.

– Да что вы, почтенный! – настала очередь юноши смущаться. – Я бесконечно благодарен и за то, что вы уже сделали для меня. Да храни вас Господь!

Наблюдая, как юноша ест, Иридий спросил:

– Позвольте узнать, как вас зовут, молодой человек.

– Мое имя Герман. Я родился во Фракии, но судьба занесла меня в окрестности Рима.

Иридий закивал, словно соглашаясь со словами гостя. Старик заметил, что Герман бессознательно пытается ненароком не показать нечто, находящееся на левом предплечье и сокрытое рукавом. Совершенно случайно, однако, старик заметил, что это было клеймо с надписью "Гивон", и сказал об этом юноше.

– Злые люди нарекли меня этим именем, дабы отлучить от Господа, – вмиг посуровел Герман. – Скорее всего, у них это получилось.

– Не говори так, молодой человек, – затряс седой головой Иридий. – Ни одна тварь Божья не способна отлучить другую от Всевышнего!

– Ваши слова Богу бы в руки, – вздохнул Герман. – Эти твари могут...

Когда поздний ужин был завершен, Иридий постелил гостю прямо в трапезной. На следующий день рано утром Герман попрощался с настоятелем, сердечно его поблагодарил за еду и ночлег, и, взмахнув напоследок рукой, пошел прочь по пыльной дороге.

Весь день отец Иридий провел в церкви, и не было ничего необычного. Однако вечером, когда зашло солнце, прискакал всадник и сообщил, что настоятель прихода в соседнем городке внезапно помер. Его необходимо было отпеть по всем правилам христианства, и ближайший священник жил именно в Борэ. Им оказался Иридий.

Погоревав и помолившись за упокоевание души своего старого друга, отца Ламиуса, покойного настоятеля прихода Гуатэ, Иридий лег спать, чтобы на следующее утро отправиться в путь.

Ночью разразилась гроза. К рассвету она переросла в моросящий дождь, конца которому не предвиделось. Иридий позаимствовал у одного из прихожан колесницу и поехал в Гуатэ. Покрыв примерно треть пути и углубившись в густой лес, святой отец заметил лежащее в кустах человеческое тело. Подъехав поближе, он узнал в бедняге давешнего гостя Германа. Юноша лежал навзничь абсолютно голый, а в боку его зияла страшная рана. Иридий, причитая и крестясь, подбежал к Герману и определил, что тот еще жив, хотя едва дышит. Не раздумывая, святой отец взгромоздил обмякшее тело юноши на колесницу и поспешил немедленно вернуться в Борэ.

По прибытии он первым делом отвез раненого к лекарю, а после того как лекарь сделал все возможное для спасения жизни юноши, перевез Германа в свой дом.

К вечеру лицо юноши порозовело, а рана перестала кровоточить. Иридий, разбудив беднягу, напоил его горячим настоем целебных трав, которые дал лекарь.

– Я бесконечно благодарен вам, о святой отец! – расплакался Герман, когда силы говорить вернулись к нему. – Каждый день я буду благодарить Господа, что на земле есть такие добрые люди, как вы.

– Лучше благодарите Господа за то, что он оставил вам жизнь, – посоветовал старик, – мои заслуги здесь ничтожны.

Через пару часов юноша, казалось, вполне окреп. Он смог сесть и утолил голод предложенной настоятелем пищей. А Иридий поинтересовался:

– Скажите, Герман, что произошло в лесу? Почему вы оказались без одежды и кто вас так сильно ранил? Неужели в окрестностях объявились разбойники?

– Это долгая история, но можете быть уверены, что я поступал во имя Господа, – уклонился юноша от прямого ответа.

Больше ничего не спрашивая, святой отец пожелал молодому человеку спокойного сна и сам отправился почивать.

Наутро же его разбудил настойчивый стук в дверь. Когда он открыл, в дом ворвались вооруженные солдаты городской стражи, которые сразу же схватили едва продравшего глаза Германа, а вслед за ним и самого отца Иридия. Предводитель стражников развернул пергамент и прочел:

– Герман из Фракии, вы обвиняетесь в колдовстве, в связи с нечистой силой и множественных смертоубийствах. Настоятель церкви Борэ отец Иридий, вы обвиняетесь в пособничестве Герману Фракийскому, колдуну и убийце. Судом Рима вы оба приговариваетесь к смерти. Приговор исполнится в полдень.

После прочтения такого ужасного приговора стражники вывели арестантов и сопроводили их в темницу. Уже там, сидя на холодном каменном полу среди не боящихся человеческого присутствия крыс, отец Иридий спросил юношу:

– Почему вас обвиняют в колдовстве и убийствах? Разве это правда?

Герман долго не отвечал, погруженный в свои мысли. Но спустя несколько минут заговорил:

– К сожалению, этот приговор справедлив по отношению ко мне. Я принадлежу к роду проклятых, которых жители южных земель называют вервольфами и волкодлаками, а жители северных – берсерками и волкулаками. Три года назад ужасное чудовище из этого рода сделало меня подобным себе, таким же ужасным существом, и я, одержимый нечистой силой, совершал помимо своей воли жестокие убийства. Но по прошествии года я научился бороться с сидящими внутри меня демонами. Я перестал убивать невинных, но стал выслеживать и уничтожать других проклятых. Когда где-то объявлялось отродье ада, я спешил в то место и одолевал чудовище. В Борэ я оказался проездом, так как на самом деле спешил в Гуатэ, где начались кровавые убийства женщин и детей. Вы не могли не слышать о них, о четырех женщинах и девяти маленьких детях. Я знаю, что в их смерти повинен волкодлак, объявившийся в Гуатэ,

и прошлым днем мне удалось его выследить. Мы вступили в схватку, но он оказался сильнее и ранил меня. Если бы не ваша милосердная помощь, то гореть мне в адском пламени преисподней... Я запомнил человеческое лицо чудовища, и если мне удастся избежать казни, я обязательно разыщу мерзавца. Имя, которое вы прочли на клейме, дали мне нечистые силы, силы зла и тьмы. Теперь это мое настоящее имя.

Отец Иридий внимал юноше, пока тот не замолчал. Потрясенный исповедью, он в конце концов нашел в себе силы ответить:

– Вас пытался одолеть дьявол, но вы оказались сильнее, сын мой. Вы встали на путь избавления от греха, на путь искупления и раскаяния. Вы рискнули пойти против могущественных сил тьмы, которых так боятся все известные мне народы. Не знаю, простит ли Всевышний кровь людей на ваших руках, но он никогда не забудет вашего подвига.

Молодой человек, ободренный верой и теплотой слов святого отца, встрепенулся, но тут же осел.

– Жители Борэ и Гуатэ думают, что это я совершил тринадцать убийств. Они хотят меня казнить, и я с радостью приму смерть, потому что уже устал жить. Но самое ужасное то, что вас, ни в чем не повинного святого человека, обвинили в соучастии. Пожалуй, я совершил еще один грех, впутав вас в эту темную историю.

– Не корите себя, сын мой, – ласково сказал Иридий, – на всё есть воля Божья, и если мне суждено сегодня расстаться с жизнью, то я, как и вы, с радостью приму смерть, а если мне суждено избежать казни, то с такой же радостью я приму жизнь.

Ближе к полудню стражники вывели заключенных из темницы и под многочисленным конвоем, закованных в цепи, повели на площадь, где всё уже было приготовлено для казни. Иридия и Германа ввели на деревянный помост и заставили продеть головы в железные петли, прикрепленные к толстому столбу. Петли тут же затянули так, что голова не могла высвободиться. Затем помост убрали, и толпа скопившихся на площади зевак, не смотря на моросящий дождь, одобрительно загудела, увидев, как много дров лежит в этот раз подле столба.

Приговор прочли еще раз, после чего дрова облили маслом. Не дожидаясь, пока костер запалит, Герман прокричал:

– Одумайтесь, о несчастные! Вы казните демона и убийцу, и я согласен принять справедливую смерть. Но вы также казните совершенно невиновного человека, хорошо вам известного святого отца Иридия! Одумайтесь! Если этот человек и виновен в чем-то, так только в той доброте, которую оказал мне, не зная, кто я на самом деле.

– Наглая ложь! – выкрикнули из толпы. – Иридий не явился на отпевание отца Ламиуса! Вместо исполнения священного долга он якшался с демонами!

Отец Иридий, потрясенный таким большим скоплением народа, собрал силы в кулак и громко сказал:

– Как говорит этот молодой человек, я ничего не знал о его проклятии. Но даже если бы я знал сие, то всё равно помог. Забота о живом человеке важнее заботы о мертвом.

С двух сторон к столбу двинулись солдаты с факелами. Заметив это, Герман еще громче закричал:

– Вы казните меня, потому что думаете, будто я повинен в смерти тринадцати жителей Гуатэ. Да, на моих руках кровь невинных, но среди них нет никого из этих краев. Перед тем, как вы запалите костер, я хочу сказать: настоящий убийца находится среди вас. Он и сейчас здесь! Его имя...

Вдруг капитан городской стражи заорал:

– Убейте это крикливое отродье!

Два лучника, державшие стрелы наготове, разрядили луки. Герман, пронзенный насквозь, всё пытался донести до людей имя настоящего убийцы, но рев ликующей толпы сделал его попытки тщетными. Вспыхнуло масло, и дрова вмиг разгорелись.

Отец Иридий видел, как вспучились вены на руках и шее Германа, как юноша несколько раз судорожно дернулся, а потом произошло нечто из ряда вон выходящее. Молодой человек в одно мгновение увеличился в размерах и покрылся густой черной шерстью. Державшая его за горло железная петля со звоном лопнула, а дощечка, на которой он стоял, не выдержала веса чудовища и сломалась. Существо, больше не напоминающее человека, с рыком выскочило из пламени в сторону толпы. Раздались крики ужаса и пронзительный визг женщин, но в поднимавшемся хаосе звуков зверь услышал тихую просьбу отца Иридия:

– Сын мой, избавь меня от страданий!

Волкодлак повернул голову, направив горящий, как сам огонь, взор на святого отца.

– Господи, прости несчастным грехи их. Да прибудет царствие твое, Господи, да будет воля твоя, Госпо... – Иридий беззвучно молился, когда волкодлак Гивон подпрыгнул и перекусил ему глотку.

Затем чудовище, чья шерсть дымилась и тлела, обожженная огнем, огромными прыжками приблизилось к капитану городской стражи и повалило того наземь. Но не успел капитан коснуться спиной мокрой земли, как стал точь-в-точь таким же волкодлаком. Черные демоны завертелись в смертельной битве, испуская дикий рев и поднимая тучи пыли. Когда копейщики из числа стражников сумели извернуться и пронзили Гивона многочисленными копьями, он сомкнул огромные челюсти на глотке своего врага.

Волкодлаки издохли одновременно, и когда пыль улеглась, посреди площади в луже крови лежали два обнаженных человека...

* * *

Ближе к концу ноября я стал чувствовать необъяснимое чувство тревоги, которое с каждым новым днем становилось все сильнее. Я стал неусидчивым, постоянно мерил квартиру шагами и не находил покоя, как лев не может найти успокоения в своей клетке. Я изо всех сил старался забыть свою встречу с оборотнем, но не мог этого сделать. Не стоило великого труда догадаться, почему именно мною безраздельно владела тревога, иногда перерастающая в почти панический ужас. И чем дольше думал об этом, тем больше становилось не по себе.

Приближалось полнолуние. Приближалось время, когда для меня все станет окончательно ясно. В ночь с третьего на четвертое декабря полная луна взойдет над городом, и тогда я узнаю, в самом ли деле стал тем, кем так не хочу быть...

Я потерял сон и аппетит, совершенно не следил за своим внешним видом, не знал, что происходит во внешнем мире, потому что телефон и телевизор, посредством которых я мог бы это выяснить, были безнадежно сломаны.

Наверное, мне казалось, но плейер почему-то чаще других выбирал именно ту песню, которая начиналась словами:

Задумывая чёрные дела,
На небе появляется луна...

Чтобы отвлечься от нехороших мыслей, я слушал музыку, впадал при этом в полусонное, «трансовое» состояние.

...И мы с тобой попали на прицел.

Я вздрагивал, вдумываясь в смысл песни. Становилось страшнее, жуткий холод сковывал тело от пяток до зубов, которые иногда начинали непроизвольно стучать. Мне постоянно хотелось укутаться поглубже в тёплое одеяло и ни за что, ни под каким предлогом не высовывать голову.

Когда подошло время "икс", я находился на грани безумия. Вечером третьего числа я готов был продать душу Дьяволу, лишь бы избавиться от чудовищно гнетущего ощущения приближающейся неизбежности, страшной и ужасной неизбежности. Внезапно мне показалось слишком душно и тесно в квартире, и я, накинув осеннюю куртку, выбежал на улицу.

Смотри же и глазам своим не верь:
На небе затаился чёрный зверь,
В глазах его я чувствую беду...

Луны видно не было, ее скрывала плотная занавесь облаков. Держась в тени фонарей, стараясь не попадаться на глаза случайным прохожим, я побежал к парку, который находился в двух кварталах от моего дома. Это был обширный парк с высокими деревьями, а в центре располагался красивый пруд. Влюбленные парочки любят здесь ошиваться, и я когда-то гулял по тенистым аллеям со своей подругой...

Как давно это было. Кажется, в прошлой жизни...

Но сейчас мне было не до романтических переживаний и воспоминаний. Едва разбирая дорогу, я перся напролом сквозь изгороди кустарника, через чахлые сугробы. К счастью, никто не встретился по дороге.

Когда облака разошлись, обнажая молочно-белый лик луны, я кожей почувствовал прикосновение ее холодных лучей. Судорога свела тело, я повалился в снег и застонал. Разум затмила непроглядная черная пелена, лишь бесконечно малый осколок сознания, ничтожная частичка меня продолжала регистрировать происходящее. Как бы со стороны я видел свое изображение, скорчившееся в снегу тело, трясущееся от нарастающих судорог.

Не знал и не узнаю никогда,
Зачем ему нужна твоя душа...

Видел-то я со стороны, но ужасную боль мог ощущать в полном объеме. Она миллионами раскаленных игл пронзила меня, воткнулась в каждую косточку, в каждую клеточку. Казалось, будто я свалился в кипящую лаву и через секунду неминуемо расплавлюсь.

Каким-то непостижимым образом я умудрился встать на четвереньки. Пальцы отчаянно скребли землю. У меня не оставалось сил ни удивляться, ни ужасаться, когда они вдруг скрючились и сильно увеличились, а ногти удлинились, превратившись в острые когти зверя.

В этот же момент та крохотная частичка сознания, которая до сих пор тлела где-то в черепе, потухла.

Она сгореть не сможет и в аду...

Я провалился в небытие, в абсолютное беспомыслие...

Едва ли я мог сказать, сколько времени прошло с того момента, когда луна обняла меня своим светом и заставила вскипеть кровь. Как и после комы, пробуждение произошло мгновенно, без прелюдий, без метания между реальностью и небытием. В нос ударили смутно знакомые и совершенно незнакомые запахи, мышцы вздрогнули, отгоняя ступор. Я чувствовал себя совершенно разбитым, уставшим, опустошенным. Я не мог даже открыть глаза – настолько

мало жизненных сил осталось в организме. Стараясь не замечать болезненную ломку суставов и костей, что было почти невозможно, я попытался вспомнить, какие события имели место быть с тех пор, когда сознание покинуло мое бренное тело.

Безрезультатно.

Постепенно энергия стала возвращаться в меня. Боль и слабость спадали, сдавали позиции. Я не открывал глаз, пока не уверился, что способен встать. А когда поднял веки, то увидел совершенно незнакомую комнату чужой квартиры. Я готов был дать на отсечение палец, что квартира не принадлежала никому из моих знакомых, иначе я бы почувствовал, что когда-то хаживал сюда.

Стараясь не шуметь, но тем не менее болезненно кряхтя, я поднялся с пола. Взгляд в сторону окна сказал, что на улице по-прежнему ночь. Скорее всего, даже не ночь, а раннее утро. И вполне возможно, что скоро наступит рассвет. Затем мой взгляд переместился на большое овальное зеркало, висящее на стене, по обе стороны которого ярко горели простенькие бра.

Я прищурился, разглядывая свое отражение. Очевидно, за прошедшее время, о котором мне ничего неизвестно, я скинул килограммов пять и постарел на пару лет. Отражение мое было худым, ссутулившимся, во всех отношениях жалким. К тому же полностью голым, если не считать золотой цепочки на шее. Под глазами образовались мешки, которых у меня сроду не было, даже после ударных пьянок. Короткие волосы на голове выглядели растрепанными, и непонятно даже, как такие короткие волосы могут быть такими растрепанными... Кожу по всей поверхности тела покрывали красно-розовые пятна воспалений, похожие на обширные ссадины. Ногти на ногах и руках сделались красными.

Я чувствовал себя более чем скверно. Подъем на ноги спровоцировал волну тошноты и всеобъемлющую боль. Но не смотря на дискомфорт, я быстро обшарил комнату в поисках какой бы то ни было одежды. Спортивная куртка, свитер, футболка, джинсы, трусы, носки и кроссовки – я, к сожалению, отлично догадывался, куда подевались все мои вещи. Не пропала лишь золотая цепочка с крестиком на шее, но бурной радости сей факт не принес.

Не найдя совершенно ничего, что могло бы послужить хоть каким-то прикрытием моей непотребной наготы, я отворил дверь и, придерживаясь за стену, вышел в коридор и успел заметить только то, что здесь тоже горел электрический свет. Обе ступни предательски заскользили по полу, и я рухнул на пятую точку, исторгнув сначала возглас удивления, а потом – крик боли.

Продолжать опасаться быть замеченным или услышанным хозяевами квартиры больше не имело смысла. Кроме того, я отчего-то подозревал, что хозяева квартиры уже не смогут что-то видеть или слышать... Подозрение переросло в глубокое убеждение, едва я сообразил, что именно стало причиной моего падения, почему ноги вдруг заскользили по линолеуму.

Весь пол был залит кровью. Пятна крови багровели на стенах. Теперь она была и на мне. Чертыхнувшись, я мигом вскочил и тут же увидел мертвое, изодранное до костей тело мужчины. В его животе зияла дыра размером с перчатку Майка Тайсона, голова неестественно вывернута назад, левая рука... оторвана!

Моя душа переполнилась диким трепещущим ужасом. Я с великим трудом подавил рвавшийся было наружу вопль, прикрыл рот перемазанными ладонями. Захотелось немедленно убежать прочь из этой залитой кровью квартиры, прочь от ужасного зрелища, заставляющего шевелиться волосы на голове. Я решил не откладывать и немедленно убежать, но перед этим как подсказывал здравый смысл, необходимо одеться. Вид голого и окровавленного мужчины, ранним декабрьским утром бегущего босиком по улицам, может вызвать ненужные пересуды и ненужные подозрения. Может и вызовет. А я, даже будучи впавшим в дикий ужас, не хотел быть пойманным за зверское убийство...

К черту! Я нисколько не сомневался, что незнакомый мужчина мертв "благодаря" мне. Не знаю, каким образом я очутился в чужой квартире, но за то что здесь произошло, ответственность лежит на мне.

Я бросился в соседнюю комнату, где сразу увидел труп женщины, лицом вниз лежащей на кровати. Постельное белье стало красным, насквозь пропиталось жидкостью, сочащейся из множественных ран. Я взвыл от очередного приступа ужаса, отворил дверцы платяного шкафа рядом с кровавым ложем и не разбирая вытащил какие-то вещи. Напялив брюки и рубаху, я промчался в прихожую, сорвал с вешалки пальто, сунул босые ноги в чужие туфли и, открыв дверной замок, пулей выбежал вон из квартиры. Жилище располагалось на первом этаже прямо напротив входа в подъезд, так что на улице я оказался почти мгновенно.

Морозный воздух немного освежил затуманенное от страха сознание, но я тем не менее не мог заставить себя идти, поэтому бежал, бежал куда глаза глядят, пока не отдалился от мертвецов на несколько километров. С трудом сориентировавшись, я отыскал дорогу домой.

* * *

Легенды об оборотнях существовали практически во всех странах, на всех континентах, где жили люди. Возраст некоторых легенд исчисляется тысячелетиями. Особенно много историй, связанных с оборотнями, родилось в Европе. Это неудивительно, ведь Пиренейский полуостров всегда был населен людьми особенно плотно, на нем рано возникла цивилизация. Да и волков раньше европейские леса насчитывали десятки, сотни тысяч.

Оборотень – это существо Тьмы, монстр, призванный наводить ужас на людей. Чудище, могущее и любящее убивать. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться причислить вервольфа именно к силам Зла. А противостояние сил Света и Тьмы, Добра и Зла, плюса и минуса особенно остро и заметно проявляется там, где цивилизация наиболее развита, где живет масса людей. Много потенциальных жертв для отродий Ада, много тех, кого нужно защищать от Зла.

Оборотни обитали везде. Везде они наводили ужас на простой люд и совершали жестокие, большей частью беспричинные убийства. Понимаете, они редко убивают людей, руководствуясь какими-то определенными, личными мотивами. Конечно, они могут убивать из мести, из-за обиды, но чаще оборотни нападают на людей только лишь потому, что одержимы жаждой убийства. В средние века люди включали в "группу риска", то есть в контингент, наиболее подверженный вероятной атаке оборотня, женщин и детей. Наверное, считали, что оборотни боятся нападать на взрослых мужчин. На самом деле это не так. Мало того что оборотни, будучи в образе волка ли, в образе человека ли, редко подвержены чувству страха, они к тому же физически чрезвычайно сильны. Гораздо сильнее людей. Если б хлюпик-оборотень, полутора метров ростом и весящий сорок килограмм, решил потягаться с чемпионом мира по боксу в тяжелом весе, то скорее всего одержал бы верх. Свою физическую силу оборотень черпает не из внутренних ресурсов организма, не из веса, не из объема мышц, а из той составляющей, которая, собственно, и создала его двуликим.

На самом деле это очень сложно объяснить. Я думаю даже, что вряд ли возможно. Но если быть максимально кратким и попробовать все-таки объяснить, то дело обстоит примерно так. когда оборотень нападает на человека и ранит его, но, естественно, не убивает, вместе со слюной в кровь жертвы попадает вирус. Он вызывает обширные, необратимые изменения всего организма на уровне органов, тканей, клеток и ДНК. Другими словами, происходит довольно быстрая и сложная мутация. Можно назвать эту мутацию доброкачественной, ведь человек, став оборотнем, получает абсолютный иммунитет ко всем болезням, защищен от всех ядов растительного и животного происхождения, и к тому же регенерация его тканей вследствие каких-либо повреждений проходит в несколько десятков раз быстрее, чем у обычного чело-

века. Подобный механизм, кстати, присущ и вампирам. Организмы кровососов тоже изменяются, но более радикальным образом.

Почему вы так удивились, когда я обмолвился о вампирах? Да-да, они тоже существуют, как существует многое из того, о чем вы понятия не имеете. Если хотите узнать о вампирах подробнее, советую обратиться непосредственно к ним самим. Возможно, вы получите еще один сенсационный материал для своих статей, если, конечно, вас не пустят в расход, не выпьют вашу кровь.

Моя же история – это история оборотня. Поэтому давайте не будем без нужды отвлекаться...

Итак, человек после нападения оборотнем заражается определенным вирусом. Даже сейчас многие считают, что легенды об оборотнях – это всего-навсего раздутые истории о ликантропах, гипертрофированные и приправленные душеспитательными вымышленными подробностями. Но можете мне поверить, ликантропы не имеют никакого отношения к истинным оборотням. Ликантропия – это генетическая болезнь, сопровождающаяся нарушениями психики. Ликантропия в случае с оборотнями – те же самое, что порфирия в случае с вампирами. Так, пораженный порфирией человек вполне может сойти за вампира: боится яркого света, бледен, нуждается в потреблении крови, предпочитает дневному образу жизни ночной. А ликантропия – это болезнь, при которой помимо нарушенной психики, когда человек считает себя зверем, часто наблюдается уродство в виде чрезмерно обильной растительности на теле. Знаете, волосы растут там, где расти не должны вовсе: на лбу, на спине, на ладонях и ступнях. На заднице, в конце концов. Плюс, у ликантропа может присутствовать определенная деформация конечностей, челюстей и даже рудиментарный хвост. Короче говоря, примитивный разум древних людей считал этих убогих самыми настоящими оборотнями.

Но мы-то с вами живем в двадцать первом веке и понимаем, что ликантропия или порфирия – всего-навсего болезни. Но настоящие монстры – вампиры, оборотни и многие другие мифические твари – тем не менее, существуют.

Истинного вервольфа от ликантропа отличает та самая составляющая, о которой я уже обмолвился. Попавший в кровь и спровоцировавший мутацию вирус – далеко не все, что достается жертве оборотня. Вместе с вирусом материальным, заставляющим меняться организм, передается и вирус энергетический, меняющий человеческую энергетику. Если проще, в человека вливается темная энергия, сила Зла, и он становится проклятым. Хочет того или нет, он превращается в существо, стоящее на стороне Преисподней. И помимо своего желания вынужден вступить в войну Добра и Зла на известной стороне.

Некоторые индивиды, правда, не желая мириться с ужасным положением вещей и в попытке искупить кровавое проклятие, переходят на сторону Добра. Или Света – как хотите. Особенно часто этот феномен проявляется как раз среди оборотней.

Вам интересно, кто защищает сторону Света? Ну, понятно, что этим делом занимаются либо рожденные в Царствии Небесном, либо присягнувшие Царствию в верности: ангелы, архангелы, хранители, люди. Все сущности Царствия называют обобщающим словом "астеры", а само Царствие известно так же под названием Актарсис. Соответственно, воинов Тьмы зовут демонами (это слово вы, конечно, знаете), а Преисподнюю, то бишь Ад – Яугоном. И вот, на протяжении тысячелетий демоны и астеры нещадно бьются друг с другом за контроль над Срединным миром, в котором мы с вами, между прочим, и живем. Естественно, эта война для рядового землянина скрыта, не видна. Он не догадывается, что рядом с ним каждый день происходят постоянные стычки между ангелами и демонами, оборотнями и вампирами. За многими чисто "человеческими" разборками стоит выяснение отношений Яугона и Актарсиса. Битвы ведутся и наверху, и внизу, и рядом с нами, то есть здесь, в Срединном мире. События, происходящие в Яугоне, Актарсисе и Срединном мире, так или иначе имеющие отношение к войне Добра и Зла, немедленно отражаются на жизни простых людей. Войны, катастрофы,

стихийные бедствия, эпидемии – вот эти отражения. Связь между тремя мирами очень сильна и сложна; сам черт ногу сломит, если попытается разобраться, что к чему.

Я могу рассказать лишь то, что относится к оборотням и их жизни в Срединном мире. Хотите узнать о вампирах – спросите их самих. Желаете справиться о Яугоне – отыщите рожденного в Преисподней демона. Горите желанием выяснить, что творится в Актарсисе – встретьтесь с ангелом. Теперь, когда вы знаете о существовании потусторонних сил, найти все эти существа вам будет не так уж сложно.

Но вернемся все ж к вервольфам.

Как я уже объяснил, большая физическая сила оборотня обусловлена его темной энергией. Вместе с тем оборотень – это, пожалуй, самое неуравновешенное существо на Земле. Он подвержен внезапным, ярким, как вспышка сверхновой, приступам ярости, и я никому бы не посоветовал злить его. В легендах о берсерках, или берсеркерах, рассказывается, в частности, об их особой свирепости и неустрашимости. Берсеркерами называли оборотней, обитавший в северных районах Европы: во Франции, Норвегии, Швеции, Ирландии. Много оборотней было среди норманнов – викингов, или, как называли их на Руси, – варягов. Известна история уничтожения большого числа римских солдат, когда три огромных легиона потерпели тотальное поражение в битве с норманнами недалеко от городка Шербур на полуострове Котантен. Норманнов было не больше полутысячи, но это не помешало им, диким жителям диких краев, наголову разбить шеститысячное профессиональное войско, при том что в ту пору армия Римской Империи была самой могущественной, ее легионы считались непобедимыми.

Ясен перец, римляне бились с берсеркерами...

ГЛАВА III

*Это твой щенок.
Теперь он твой навсегда...
Дельфин.*

Герцог Раммштерский наблюдал, как слуга приближается по пыльной дороге, и вытирал пот со лба. Будучи знатным человеком, он не чурался работы в поле. Наоборот, он любил ранним утром выйти на террасу перед замком, облиться ледяной водой, собственноручно поднятой из глубокого старого колодца, невесть каким сеньором вырытого в незапамятные времена. А потом, оседлав верного жеребца, отправиться на виноградную плантацию.

Или в поле, как выражались крестьяне. В поле на работу под палящим солнцем, среди сонма гудящих жирных мух.

Подняв тучу пыли, слуга придержал лошадь, спешился и подошел к своему хозяину.

– Сеньор, мне велено сообщить вам, что сегодня прибудет барон Иглес фон Хатсинг. Чтобы успеть подготовиться к его визиту, вы должны поспешить в замок.

– Барон фон Хатсинг? – переспросил герцог Раммштерский. – Не тот ли это рьяный христианин, слухи о котором гуляют по земле?

– Да, слава о подвигах барона несколько раз обогнула мир, – согласился слуга, протягивая хозяину холщевое полотенце.

Герцог утер грязь с лица, бросил взгляд на лиловое вечернее небо и, направившись в сторону своего коня, поинтересовался:

– Когда ожидается прибытие барона?

– С заходом солнца, сеньор, – немедленно ответил слуга.

Ломая голову, какими ветрами легендарного рыцаря занесло в окрестности Раммштера, герцог через полчаса с небольшим добрался до замка. До того, как зашло солнце, он отдал все необходимые распоряжения о встрече знатной особы, и приготовился сам. В назначенное время прислуга доложила, что явился барон Иглес фон Хатсинг. Приветствовать его герцог вышел во внутренний двор.

– Для меня большая честь видеть вас, барон! – склонил голову герцог.

– Спешу ответить, что встреча с вами для меня не менее большая честь, – расплылся коренастый рыцарь в улыбке, повторяя поклон хозяина замка.

– Я и мое имение полностью к вашим услугам, барон. Комнаты для вас уже подготовлены. Когда вы будете готовы, я приглашаю вас на ужин.

– Спасибо, дорогой герцог. Ужин – это то, что мне сейчас действительно необходимо.

Обменявшись еще несколькими любезностями, сеньоры расстались, чтобы вскоре встретиться за длинным обеденным столом. Фон Хатсинг ел с явным аппетитом, было заметно, что дорога отняла у него много сил. Герцог, весь день проработав на плантации, поужинал с ничуть не меньшим удовольствием. Когда с едой было покончено, герцог предложил гостю вина из собственноручно выращенного винограда.

– Позвольте узнать, что привело вас в наши края, – спросил хозяин замка Раммштер. – Вы здесь проездом? Я удивлен, что вы путешествуете один.

– Пожалуй, я отвечу на ваши вопросы по порядку, – рассмеялся барон. – В ваши края меня привел долг, и конечный пункт моего путешествия – это ваш замок. Странствую же я один потому, что не вижу необходимости таскать за собою толпы слуг. Все необходимое в дороге я могу раздобыть сам, так что сопровождающие – излишнее неудобство.

– Позвольте же спросить в таком случае, что заинтересовало вас в Раммштере?

– Со временем вы всё узнаете, – таинственно ответил барон.

Герцог немного разочаровался, не узнав цели визита фон Хатсинга, ведь его снедало любопытство. Но внешне хозяин замка Раммштер разочарования не выказал. Чтобы не показаться навязчивым, он решил поговорить на другую тему.

– Легенды о ваших победах на рыцарских турнирах уже давно достигли моих владений, а ваши подвиги во имя Господа и христианства вообще достойны быть упомянутыми в Священном Писании. Я надеюсь, вас не затруднит поведать хотя бы об одном своем удивительном приключении?

– Я вам обязательно расскажу всё, что вы пожелаете, сеньор. Что касается турниров, то слухи здесь слишком преувеличены. Ничего героического на таких состязаниях не случается, да и участвую-то я в них по самой банальной причине – ради средств к существованию. Как вам, наверное, известно, моя семья давно разорилась, поэтому, чтобы иметь возможность путешествовать столько, сколько путешествую я, приходится иногда участвовать в турнирах. Преувеличены же и слухи о моих заслугах перед Святой Церковью. Честно говоря, я даже не считаю эти заслуги подвигами. Скорее, просто долг.

– Вы известны как борец с нечистой силой, с демонами и всяческими колдунами.

– Да, ведь именно этим мне приходится заниматься каждый день, каждую минуту. Возможно, вы, уважаемый герцог, что в младенчестве меня похитили злые люди с целью последующего выкупа. Но из плена, по воле Божьей, вызволил меня благородный рыцарь. Не зная, кто я на самом деле, он отдал меня на воспитание в монастырь. К сожалению, по определенным обстоятельствам местонахождение монастыря я вынужден держать в тайне, как и многое другое, касающееся моих приключений, но кое-что рассказать все же могу.

Монастырь, в котором я рос и обучался, принадлежит древнему Ордену, веками противостоящему силам Зла. Логично будет подумать, что воспитывали меня именно в духе борца с нечистью. Спешу заметить, что Орден не имеет никакого отношения к Святой, так сказать, Инквизиции. К глубочайшему сожалению, инквизиторы часто поступают далеко не от имени Церкви, а многие осужденные и казненные ими люди не имеют никаких связей с силами Зла. В монастыре Ордена я овладел искусством противостоять отродьям ада, и уже девять лет странствую по миру, выискивая и уничтожая демонов.

– Вы полагаете, что на моей земле объявился демон? – ужаснулся герцог.

– Нет, что вы, уважаемый сеньор, – улыбнулся барон. – Но скоро один из служителей Дьявола прибудет в ваш замок. Едва я прознал о готовящемся визите, тут же поспешил опередить его. К счастью, это мне удалось. Теперь, предугадывая ваши возможные вопросы, я поясню суть происходящего. Дело в том, что некий лорд Вальбунг, о котором вы, полагаю, никогда не слыхали, потерял рассудок и теперь думает, что ваши земли некогда принадлежали его семье. Считая вашу власть над Раммштером незаконной, но не имея возможности доказать это, лорд Вальбунг нанял одного из демонов убить вас.

– Какой кошмар! – искажился в лице герцог Раммштерский. – Ваши слова подобны удару молнии в ясную погоду! Я, как вы правильно заметили, понятия не имею, кто такой этот Вальбунг и почему он претендует на мои владения, которые вот уже тысячу лет принадлежат моим предкам.

– Он сошел с ума, поэтому винить его можно лишь постольку поскольку. Но демон по вашу душу действительно приближается к замку. Я думаю, что он явится сюда немногим позже полуночи.

– О каком же демоне вы говорите? Не вурдалак ли это, упоминание о котором бросает в дрожь жителей окрестных деревень?

– Нет, не вурдалак. Я предпочитаю называть таких демонов *loup garou*, но вы, вероятно, слышали о них как о волкодлаках.

– Господь Вседержитель! Человек-волк!

– Да, Волкодлаки – это люди, которым Дьявол дал возможность превращаться в ужасных волков и беспощадно убивать ни в чем не повинных людей. Но не переживайте так сильно, мой дорогой герцог! Я отправил в Преисподнюю уже не одного демона!

Иглес фон Хатсинг распорядился, чтобы принесли его сумку. Когда слуги выполнили приказание, он извлек из большой сумки, больше похожей на мешок, два странного вида меча. демонстрируя столь необычное оружие герцогу, барон сиял гордостью.

– Сталь этих клинков вспорола брюхо многим *loup garou*!

– Ваше оружие довольно необычно, – заметил герцог скептически. – Не хочу вас обидеть, но мне кажется, эти, с позволения сказать, мечи ненадежны. Разве не лучше будет взять тяжелый двуручный меч и разрубить демона надвое?

– Волкодлаки очень сильны, прытки и проворны, – ничуть не смутившись, ответил барон. – Большой меч и тяжелый панцирь не помогут в бою против них, а скорее помешают. Я предпочитаю пользоваться этим оружием. Его создали великие мастера-оружейники далекой восточной страны Японии, о которой вы вряд ли что-то знаете. Называются мечи катанами, и на сегодняшний день это лучшее оружие против нечисти.

С наступлением полуночи герцог потерял остатки покоя и со страхом томился в ожидании мрачного убийцы. Наконец, слуга сообщил, что незнакомый путник просит переночевать в замке.

– Встретим его там же, где вы встретили меня, – сказал барон фон Хатсинг. Он снял свой плащ и крест-накрест убрал свои мечи в кожаные ножны за спиной.

Сеньоры вышли во двор, освещенный нарастающей луной. В центре двора стоял незнакомец в серой хламиде с капюшоном. Его лица видно не было.

– Зря ты пришел сюда, дьявольское отродье, – безо всякого страха крикнул Иглес фон Хатсинг. – Для себя – зря. Но я рад избавить мир от твоего присутствия.

Незнакомец, скрывающий свой лик под капюшоном, усмехнулся и с английским акцентом ответил:

– Тебе удалось опередить меня, светлый. Но поспешил ты лишь на собственную кончину.

– Моя смерть еще не видна, а твоя уже присутствует в стенах этого замка! – дерзко рассмеялся барон.

– Твоя самоуверенность не знает границ, светлый. Сначала я убью тебя, так и быть. А потом свершу то, ради чего проделал столь длинный путь. – Пока незнакомец говорил, его голос становился всё грубее и ниже. В конце концов, он превратился в рычание огромного волка.

Герцог Раммштерский с холодеющим сердцем наблюдал, как в тени капюшона разгорелись два красных уголька. Взвизгнув, волкодлак сбросил хламиду и ринулся в атаку. Это был не человек, но ужасный зверь, похожий на здоровенную бешеную собаку с отрубленным хвостом. несколько невероятно длинных прыжков, и вот он уже рядом с бароном. Казалось, барон неминуемо погибнет, раздавленный тушей чудовища...

Но фон Хатсинг молниеносно взмахнул руками, проворно отскочил в сторону и замер, припав на одно колено. Широко разведенные ладони сжимали длинные рукояти оружия, с лезвий беззвучно упало несколько капель темной крови. Волкодлак же, не издав ни звука, врезался в каменную стену, после чего повалился на цветочную клумбу. Герцог Раммштерский, трясаясь от страха, огромными глазами смотрел, как зверь, разрубленный на три части, истекает кровью.

Убрав катаны обратно в ножны, фон Хатсинг удовлетворенно кивнул:

– Даже самое лучшее оружие – ничто без искусства владеть им. Убить демона можно лишь глубоко веря в себя и в Господа Бога. Сейчас это удалось легко, потому что посланный лордом Вальбунгом демон переоценил свою силу и недооценил меня. Но придут времена, когда убивать монстров станет намного труднее. Дьявольские отродья будут хитрее и осторож-

нее, так что потомкам нашим придется серьезно потрудиться, уничтожая зло. – Барон хлопнул застывшего в оцепенении герцога по плечу. – А сейчас, друг мой, когда опасность миновала, пойдемте выпьем вашего великолепного вина, и за одно я расскажу много интересных историй из своей жизни. Тем более, я отчего-то подозреваю, что этой ночью вы так и не уснете...

* * *

Несколько дней после кровавой драмы в чужой квартире я провел, тихо сходя с ума от пережитого ужаса. Мое сумасшествие сопровождалось поистине зверским аппетитом, который я едва мог утолить. Прикончив все запасы продовольствия, я первое время не решался выходить за порог дома, но потом все же сбегал в магазин и оставил там всю наличность, которую имел.

На работу я решил выйти раньше, чем закончится отпуск. В конце концов, работа помогает отвлечься от дурных, страшных мыслей. А именно это мне сейчас было необходимо больше всего. Пятнадцатого декабря, на четыре дня раньше назначенного срока я приехал в отделение внутренних дел Октябрьского района и сообщил начальству о своем желании поскорее вернуться в экипаж ППС и приступить к выполнению своих обязанностей. Майор Курагин, начальник нашего РОВД, противиться досрочному возвращению подчиненного не стал, но донес до моего сведения, что "сверху" пришла директива, согласно которой отныне я должен нести службу в другом экипаже. С чем это связано, не объяснялось, однако Курагин предположил, что дело в ранении и так называемой реабилитации. Я отреагировал на эту информацию, просто пожав плечами, потому что не видел принципиальной разницы, в каком экипаже служить. Уладив некоторые бумажные формальности, отправился в гараж знакомиться с новыми сослуживцами, куда направил меня майор.

Они оказались заурядными ментами-пэпээсниками. Молодой, только отслуживший в армии водитель Вася Игнатов; крупный, с заметным брюшком лейтенант Егор Поступенко; ефрейтор Ибрагим Мухамбетов, черноволосый карлик с пронзительными глазами. Я со своим чином старшего сержанта стоял сразу после лейтенанта Поступенко в иерархическом порядке маленькой патрульной группы.

Но не успело наше знакомство перерасти в разговор, в гараже появился следователь прокуратуры Николай Власевич. Следователь тихо и непринуждённо, но довольно отчетливо для моего слуха напевал песенку:

О, жизнь так прекрасна,
О, жизнь так прекрасна – вполне.
Бываешь немного опасна – oh, yeah!

Возьми моё сердце,
Храни, вспоминай обо мне,
Поверь мне, что всё не напрасно...

Кивнув патрульным, он взял меня за локоть и отвел в сторону.

– Слушай, Виталя, до тебя невозможно дозвониться! Ты что, звонок телефонный не слышишь?

– Да сломался он у меня. Вместе с самим телефоном, – смутился я.

– А починить не судьба? Я сколько тебе талдычил: покупай мобилу. Удобно ведь, блин...

– Не знаю, – протянул я в ответ, – мне кажется, жизнь без телефона намного лучше, чем жизнь с телефоном. Не беспокоят тебя лишний раз, не заставляют делать чего-то, что ты делать не хочешь. Да и деньги сохраняются.

Николай спорить не стал, просто скривился в добродушной усмешке.

– Я, собственно, заскочил, чтобы о тебе справиться. Вижу, выздоровел, окреп. Радует.

– Мог бы и в гости зайти, – заметил я равнодушно-спокойно. Сам же благодарил небеса, что никому не пришло в голову навестить меня, когда безумие и животный страх стайей летучих мышей метались в глубине глубин моей сущности.

– Да как-то всё работа, работа, – устало отмахнулся Николай. – Вот и в Октябрьском я, честно говоря, не только из-за тебя. Наверное, ты уже в курсе, что на Красномосковской пару недель назад произошло жестокое убийство?

Мне кажется, кровь от моего лица отхлынула в мгновение ока. Чувствуя, как земля ускользает из-под ног, я неслышно выдохнул и судорожно сглотнул. Но Николай ничего не заметил, продолжая:

– Какое-то крупное хищное животное в клочья изорвало хозяев сто двадцать пятой квартиры на Красномосковской, девяносто четыре. Изорвало самым чудовищным образом, измазав всю квартиру литрами крови. Экспертиза не смогла установить, что это за животное такое. Укусы не принадлежат ни волку, ни собаке, ни медведю, ни вепрю и даже не крокодилу. – Мой приятель едва заметно сощурился. – Ничего не напоминает? Хрен поймешь, что там за существо побывало. Я уже обзвонил все места, откуда зверь мог сбежать: цирк, зоопарк, частные и государственные зверинцы. Всё бестолку, все звери на местах. Думаю, не продукт ли это секретных разработок какого-нибудь НИИ... Читал я пару книг на эту тему – жуть та еще. А что, создали горе-вивисекторы ужасного мутанта-гибрида и упустили, а мы теперь ловить должны. – Теперь Николай сощурился сильнее и приблизил свое лицо к моему. – Знаешь, характер ран сразу же напомнил мне твой случай. А ты ничего общего не находишь?

По-прежнему цепenea от страха, я вместо ответа задал вопрос, уходящий в другую сторону:

– Теперь это дело ведешь ты?

– Нет, но начальство подрядило помогать. Слишком много непонятностей всяких, видишь ли... А у убитой парочки, к слову, дочка малолетняя осталась. Бедняжку пришлось в приют отдать.

Власевич скрестил руки на груди и состряпал на лице выражение, по которому можно было догадаться и придурку: он ждет определенной реакции от меня. Возможно, испытывает на вшивость... Я глубоко заверил самого себя в том, что мой друг знает намного больше, чем говорит. Вот только насколько?

– Дочка? – Сердце мое подступило к самой глотке и вот-вот должно было вырваться наружу. – Осталась жива?

– Ну да.

– И что, она не видела, кто убил родителей?

– В том-то и дело, что, скорее всего, видела. Но она ничего не говорит – слишком сильная психологическая травма. Уж с ней психологи работали-работали, но результатов добиться не смогли.

Не в силах успокоиться под пристальным, пронзающим насквозь взглядом Николая (после такого взгляда я готов поверить в допросы с пристрастием, о которых иногда кричит пресса, и существование которых категорически отрицают органы внутренних дел и прочие милитаристские структуры), спросил:

– Но почему же ее в приют отдали? Как же родственники?

– Да родственников мы, как назло, найти не смогли. Родители женщины, то бишь жены хозяина квартиры погибли в том теракте одиннадцатого сентября, когда в Нью-Йорке башни

Всемирного торгового центра рухнули. Они в тот момент были как раз в одной из башен. Хозяин же квартиры сам детдомовский, безродный. Сестер-братьев-кузенов-дядь-тётъ и бабушек нет-с...

– Печальная история, – вздохнул я.

– Не говори, – вздохнул Николай вслед. – Кстати, у меня фотка девчушки есть.

Он достал из внутреннего кармана пиджака небольшой снимок и протянул мне. Я взглянул на фотографию и увидел милое детское личико с невероятно глубокими синими глазами, обрамленное светлыми выющимися локонами.

– Красивая, – задумчиво прокомментировал я, возвращая фотографию. – Жалко девчонку. Сколько ей лет-то?

– Пять. Недавно день рождения отметила. Теперь какое-то время пробудет в Гайдаровском приюте, а потом... потом на этап.

– Вы узнали, как ее зовут?

– Настя. Сергеева Настя.

Покидая меня, Николай продолжил тихо напевать. Я смог разобрать лишь слова:

И создал этот мир я сам...

* * *

Что и говорить, мне было хреново после первой трансформации. Я боялся разоблачения, боялся, что рано или поздно разгневанная толпа с пылающими факелами и острыми вилами ворвется ко мне в дом и линчует безо всякого суда и следствия. Безусловно, я чувствовал огромную вину за смерть двух людей. Раньше даже не задумывался над тем, что же это такое – быть убийцей. А теперь... Тихо сходил с ума в темной квартире, набивая притом живот всем, что казалось съедобным.

Не секрет, что луна особым образом влияет на оборотней. Во всяком случае, полная луна заставляет их покидать жилища и уезжать как можно дальше от людей, ведь полнолуние – единственная ночь, когда оборотень теряет разум, теряет способность контролировать свои поступки и желания, становится гиперагрессивной машиной смерти. Самопроизвольная трансформация превращает его в злобного и смертельно опасного монстра, встреча с которым неминуемо приведет к плачевному исходу.

Человек, ставший оборотнем, может избавиться от проклятия, но для этого ему нужно убить того, кто укусил его. При этом убить ранее, чем вкусить человеческую кровь. Я не знал ничего такого и не верил, что когда-либо смогу избавиться от кошмара. Да если б даже знал, что с того? Ведь проклявший меня волкодлак был давно мёртв, а я познал вкус крови человека...

Ладно, с тем, что я испытывал определенные душевные потрясения, понятно. Бесчувственным куском гранита я себя никогда не считал. И те изменения, которым подверглась моя психика, все же не дали свихнуться окончательно. Себе я постарался внушить, что в том двойном убийстве вины несу немного, если вообще ответственен за него. Ведь убивал не я, а сидящий во мне дьявольский зверь... Ещё я прекрасно отдавал себе отчет о происходящем. Не мудрствуя лукаво, я признал себя оборотнем, странным и страшным существом, для которого полнолуние – это дверь в безумное беспмятство, к неконтрольной трансформации. Никто не знает, почему луна оказывает такое влияние на оборотней, как никто не может объяснить тот феномен, согласно которому лунный свет затупляет лезвия. В древности, между прочим, охотники и воины, останавливаясь на ночлег, обязательно зачехляли свои мечи, кинжалы и топоры, иначе же к утру лунный свет уничтожал любую заточку.

И я уже начал ломать голову, куда можно скрыться, залечь на дно, так сказать, перед следующей самопроизвольной трансформацией. Я не кормил себя надеждами на то, что городская квартира способна удержать зверя. Может быть, он и не сумеет открыть замки на двух толстых дверях, но учитывая великую силу и выносливость, в наличии которых я не сомневался, высота седьмого этажа не остановит монстра. В качестве одного из вариантов я обдумывал возможность спрятаться в глубоком лесу, но, черт возьми, это не дает совершенно никаких гарантий. Будучи в облики зверя, я мог выйти на деревню, на трассу, на избушку лесника... Даже если зверю убить никого не удастся, собственно я после обратного метаморфоза могу легко заблудиться в лесу. И, опять же, проблема рваной одежды...

Еще с древних времен оборотни старались навешивать на окна тяжелые металлические решетки, а с приходом полнолуния запирали все двери и ставни на особые запоры, неподвластные зверю, но которые человек мог спокойно открыть. Часто оборотни привязывали себя ремнями либо приковывали цепями, надеясь таким образом не сбежать из места добровольного заточения и не наломать дров.

Но рано или поздно оборотню грозило разоблачение. В Средние века, особенно в период Инквизиции, Европу захлестнула массовая истерия. Любой человек, так или иначе отличавшийся от своих соплеменников, подвергался жесточайшим пыткам, а потом сжигался на костре. В группу риска прежде всего входили люди с ненормально густым волосатым покровом, с заостренными зубами или ушами, с прочими физическими дефектами и отклонениями от нормы, обусловленными нарушением генной информации. Естественно, иногда уничтожались и настоящие оборотни. Именно тысячелетнее преследование и истребление людей-волков привело к тому, что сейчас на всей планете вервольфов максимум миллион. И это самое "оптимистичное" предположение.

Вампирам поддерживать свою популяцию очень просто. Даже младенец знает, каким именно образом проклятые кровососы плодятся. Оборотнем человек может стать также лишь вследствие укуса, но на этом месте сходство с механизмом превращения в упыря заканчивается. Дело в том, что оборотень может передать свой вирус и проклятие своей крови только в полнолуние, а это именно то время, когда берсерк оправдывает свое имя. Человек, оставшийся в живых после встречи с вервольфом в ночь полной луны, может считать себя счастливым, каких свет не видывал. Ну и, понятное дело, оборотнем тоже. Вы понимаете, о чем я толкую?

Что касается размножения половым путем, скажу вам следующее: оборотни и вампиры бесплодны. Совершенно. Они не могут зачать и родить себе подобных.

Не секрет, что вервольфы, будучи и без того крайне злобными и агрессивными существами, особенно люто ненавидят и презируют вампиров. Ведь в демонической иерархической лестнице, в которой указано, какой вид демонов на каком месте расположен по отношению к другим, вурдалаки и Волкодлаки стоят практически в самом низу. Самые низшие силы Тьмы – это примитивные, бестолковые нематериальные духи вроде всяческих привидений, призраков и полтергейстов. Это дерьмо едва ли опасно и уж точно бесполезно. Затем идут оборотни, а после них – упыри. Зверю такой расклад не по душе, и оно из кожи вон лезет, только бы доказать свое превосходство над вампирами. И не без оснований, кстати говоря, лезет, ведь физически оборотень не слабее вампира, ничуть не уступает ему в скорости и ловкости, а иногда – превосходит. Зато вампиры почти бессмертны, никто не знает предела их жизни. Это преимущество вкупе с несравнимо более легким размножением ставят кровососов над волками.

Не так давно я смотрел американский фильм как раз на тему войны упырей и зверья. называется он "Другой мир", и мне порою кажется, что в Голливуде уже давно и прочно обосновались демоны, раз подобные фильмы выходят в мировой прокат. Действительно, вполне допускаю, что история, развернувшаяся в красочном боевике "Underworld", могла произойти в далеких заморских Штатах на самом деле.

Так что нечисть страдает взаимной ненавистью друг к другу. Оборотни не любят вампиров, вампиры ненавидят оборотней. Но тем не менее это не мешает двум самым многочисленным "материальным" легионам Тьмы сосуществовать в одном мире, контактировать друг с другом и даже сотрудничать. Например, оборотни за плату доставляют вампирам людей на кормежку...

Но вернемся всё же к конкретному представителю нечисти *homo lupus*. Ко мне. Как уже было сказано, я решил выйти на работу раньше, чтобы отвлечься от дурных мыслей и немного развеяться. Приехав на работу, узнал, что без внятных объяснений переведен в другой экипаж ППС. В принципе, мне было глубоко начхать, в каком экипаже служить, и факт перевода меня несколько не взволновал. Гораздо больше я заволновался, когда повстречал в гараже РОВД приятеля Николая. Он сообщил, что, во-первых, задействован в расследовании двойного убийства, которое совершил ясно кто. А во-вторых, Николай рассказал, что у погибших мужа и жены осталась пятилетняя дочь, которая вполне могла видеть, кто или что бушевало в ту ночь в квартире, но, "к сожалению", молчала, так как получила сильный психологический стресс.

Николай обмолвился о том, где именно находится девочка, и даже показал ее фотографию. Неспроста, как мне тогда показалось, он это сделал. А я, недолго думая, разработал план похищения ребенка. На следующий день я воспользовался таксофоном и позвонил в Гайдоровский приют, обрадовав противный женский голос на том конце провода сообщением, что приют заминирован.

Сами знаете, что такое телефонный терроризм – обыденное дело в наше сумасшедшее время. Понаехали машины ментов, "скорые", пожарные. Детей и воспитателей, конечно же, эвакуировали за территорию приюта. И вот, пока саперы с собаками обшаривали помещения на предмет взрывоопасных бесхозных сумок и коробок, мин и закладок, я исхитрился в толпе отыскать нужную мне девчонку, схватил ее в охапку, пока воспитатели-надзиратели судачили между собой, и с видом счастливого папаши поспешил к метро. Слава богу, ей не пришлось в голову закричать, заплакать или звать на помощь. Она всего лишь обмякла на моих руках и не издала ни звука.

Хотел ли я ее убить? Нет, определенно, не хотел, и вы даже не смейте думать подобное, слышите? Я не детоубийца. Просто я не исключал вариант, что малышка может когда-нибудь заговорить. А тогда следователь, ведущий дело о зверских убийствах, хохмы ради или в порядке эксперимента покажет ребенку мою фотографию и спросит: "Настенька, ты где-нибудь видела этого человека?", на что девочка ответит: "О да, дяденька следователь, этот злой человек убил моих родителей". Всё. Этого обвинения было бы достаточно, чтобы запихать меня сначала в СИЗО, а потом и в места поотдаленнее, поглуше и потише.

Так что я просто боялся разоблачения, как говорил до этого. Я не хотел убивать Настю, но понятия не имел, что с ней делать.

А к списку моих грехов прибавился еще один – киднеппинг.

ГЛАВА IV

*Тем, кто сам, добровольно
Падает в ад,
Добрые ангелы не причинят
Никакого вреда.
Никогда.*
«Агата Кристи».

Я занёс девочку в свою двухкомнатную квартиру на седьмом этаже двенадцатиэтажки. Включив везде свет, я осторожно снял с неё пальтишко, которое – подозреваю – выдали ей в приюте, отобрав прежнюю одежду. Посадив ребенка на диван, я встал напротив на колени и заглянул в глубокие, бездонные, синие-синие, как морская путина, глаза.

– Меня зовут дядя Виталя, – представился я. – Ты немного поживешь у меня, хорошо?

Настя не отвечала, лишь смотрела огромными, очень красивыми глазами. Губки ее были по-детски надуты. Хм, по-детски, ведь она – пятилетний ребенок.

– Ты хочешь кушать? – в надежде на ответ спросил я. Подумав, хлопнул себя по коленям и сказал: – Черт, конечно же, ты хочешь кушать.

Я бегом умчался на кухню, отворил холодильник, с остервенением перерыл пустые пакеты и банки, но ничего не нашел. Последнее время, утоляя свой волчий аппетит, я постоянно забывал пополнять запасы продовольствия. В результате, теперь есть оказалось нечего. Ну, какие-то остатки пищи, конечно, валялись тут и там, но я не решился этим покормить дитя.

Пробегая по коридору мимо комнаты, я виновато бросил:

– Подожди, Настенька, я к соседям заскочу.

Своих соседей я представлял смутно. Видимо, успел забыть. Дверь напротив открыла девочка лет десяти, и я смущенно представился соседом по площадке.

– Мама или папа дома?

– Нету, – честно призналась девочка. Надо же, родителей дома нет, а она так смело открывает дверь незнакомому человеку.

Впрочем, она наверняка знает, что и в самом деле живу напротив. Это я, остолоп, ничего вспомнить не могу...

– Понимаешь, тут такое дело. Племянница ко мне погостить приехала, да так неожиданно, что мне даже нечем ее покормить. Ты не одолжишь мне какой-нибудь еды? Я могу заплатить!

Боже! Ты стал животным, друг Виталя. Настоящим бараном стал...

– А вы меня познакомите с вашей племянницей? – отчего-то спросила девочка.

– Обязательно, – пообещал я, улыбнувшись самой лучшей улыбкой из тех, что лежат в моем арсенале средств убеждения.

Соседская девчонка нырнула в квартиру, но через минуту уже вернулась, протягивая мне полиэтиленовый пакет.

– Вот. У меня вчера был день рождения, много всего осталось.

Я сердечно поблагодарил ее, поздравил с прошедшим праздником и вернулся к Насте. Заглянув в пакет, ахнул: там был солидный кусок торта, пирожные, конфеты, яблоко, два банана, апельсин... Какие хорошие у меня, оказывается, соседи...

– Смотри-ка, Настя, сколько всего вкусного! – попытался я расшевелить девочку. – Тортик, конфетки... Держи яблоко! Сейчас я тебе чаю согрею.

Я вновь убежал на кухню. К счастью, заварка и сахар еще остались, вода из крана тоже текла. Я быстро вскипятил немного этой самой воды, сделал чай и принес Настеньке. На кухню я ее приглашать не стал по причине царящего там бардака.

– Ну-ка, деточка, давай, покушай.

Она не шевелилась. Всё, что я выложил на столике перед ней, осталось нетронутым.

– Послушай, милая, ты должна поесть, – не собирался я сдаваться. – Или, быть может, ты не хочешь? Не хочешь? – Я вздохнул. – Наверное, ты к маме хочешь...

Она крепко сжала губы. Seriously так сжала, не по-детски. Молчала с минуту, и я уже собрался продолжить увещания.

– Моя мама умерла, – тут сказала Настя тихим бархатным голосом.

Я обомлел и, наверное, побледнел. Почувствовал, как дернулись уши.

– Так. Значит, раз не хочешь есть, давай на боковую! – выдохнул я распоряжение. – Будешь спать голодной.

Вытащив из шкафа постельное белье, я расстелил, а затем на всякий случай включил торшер, потушив верхний свет.

– Ложись спать. Завтра мы ходим в магазин, купим тебе какие-нибудь игрушки и одежду...

В соседней комнате я, не разбирая свое ложе, скинул свитер и джинсы, устало лег и закрыл глаза. Первый раз за долгое время, прошедшее с шестого ноября, меня не мучила бессонница. Едва закрыв глаза, я тут же погрузился в глубокий сон. К счастью, в сон без сновидений...

...И тут же проснулся. Во всяком случае, так мне показалось по внутреннему, субъективному времени. Зато часы на стене сказали, что уже семь утра. Я подумал, стоит ли поспать ещё немного, ведь работу сегодня решил просто-напросто проигнорировать. Пусть увольняют, мне то что... Я теперь человек особенный. Можно сказать, что и не человек вовсе.

Так и не успев прийти к однозначному решению, я подскочил от дверного звонка. Поспешив в прихожую, отворил дверь и встретился с внимательным взглядом Мухамбетова.

– Ну доброе утро, Ибрагим, – протянул я руку в приветственном жесте. – Случилось что-то?

– Убийство у нас. Собирайся живее, – пробурчал пэпээсник, крепко сжав мою кисть.

Вот так. Работа, очевидно, игнорировать меня не собиралась.

– Через две минуты спущусь, – ответил я.

Заглянув в комнату, я увидел спящую Настю. Она не раздевалась и уснула поверх одеяла, подтянув под себя маленькие ножки. Укрыв девочку, я напялил форму, кинул в рот пару подушечек мятной жвачки и вышел на улицу, где тихо урчал патрульный "уазик", из выхлопной трубы которого вырывались туманные облачка пара и выхлопа.

Тихонько, чтобы не приглушать бормотание радиопереговоров, играла дешевая магнитола. Обострённый в связи с событиями минувших дней слух позволил мне без труда разобрать слова:

Мы играем
Во что захотим,
Мы упали,
И летим, и летим.

А куда – не знаем
До поры, поры.
Мы слепые

По закону игры...

Отчего-то смысл песни смутил меня. Легкое, непонятно откуда взявшееся чувство ирреальности, сродное известному *deja vu*, кольнуло куда-то под желудок, но попало точно в душу.

– Что за убийство, – поинтересовался я, когда дверь хлопнула, и мотор взвыл, унося машину в сторону проспекта.

– Видимо, ночью зверьё повеселилось, – крикнул Ибрагим. – Утром нашли труп какого-то парня, весь изодранный и покусанный.

– Зверьё? – не понял я. Вернее, не желал понимать. – Что за зверьё?

– Будто ты не знаешь, – прыснул водитель.

Меня его фраза насторожила, даже ввела в легкий ступор, но как следует подумать я не успел, потому что патрульный автомобиль ППС уже приехал на место убийства. Приехал в парк, где не так давно я превратился в чудовище. На одной из аллей парка стоял здоровенный черный фургон "Шевроле", возле него переминались с ноги на ногу ребята весьма определенной наружности: черные кожаные куртки, чёрные спортивные джинсы, чёрные туфли и чёрные же души.

Одним словом, бандюки.

Тихо-тихо
Отворилось окно.
Осторожно:
Слышишь запах его?

Кто-то незнакомый
Нам решил помешать.
Третий лишний
Заглянул под кровать...

– О, мусорщики уже тут, – заметил Вася Игнатов.

"Уазик" остановился рядом с фургоном, и мы вышли. Ибрагим молча сунул мне в руки автомат.

– Э, мужики, вас сколько ждать можно, а? – промычал самый лысый из братков. – Верно говорят: когда менты не нужны, они тут как тут; зато если кому понадобятся – днём с огнём не разыщешь.

Четыре криминальных рожи в голос заржали.

– Ты пасть свою грязную захлопни, Асилэн, – сверкнул глазами лейтенант Поступенко. голос его, тем не менее, оставался спокойным, даже каким-то отстранённым.

– А то что? – огрызнулся браток.

– А то я оторву тебе нижнюю челюсть и привяжу к твоему грязному языку! – не замедлил с ответом лейтенант.

– У кого ещё язык-то грязный, Еригор! – вновь оскалился бритоголовый. – Одно слово – мусор!

– Сам мусорщик, а выживаешься как хрен знает что, – усмехнулся Егор. Мне было совершенно непонятно, что здесь, чёрт возьми, происходит. Лысые явно знают моих напарников, а мои напарники, в свою очередь, явно знают лысых. Но откуда? И почему этот нелюбимый бандит назвал Егора Еригором? Может, дефект речи у бедняги...

– Это потому что я таких как ты убираю! – рассмеялся бритоголовый Асилэн (ну и имечко!), которого тут же поддержали остальные. – Ладно, мужики, идите, смотрите на жмурика. Вон он, в кустах морозится.

Мы пошли в указанном направлении и тотчас увидели растерзанное тело. Меня бросило в дрожь и даже начало немного пошатывать, ведь уже неоднократно моему взору открывалось подобное месиво... Лейтенант Поступенко склонился над трупом, минут пять изучал его. Затем встал, сплюнул на примятый, порозовевший снег и заявил:

– Его убил Соктэс. Только у этого засранца обломан правый верхний клык.

– Пи...ец Соктэсу, – прорычал бритоголовый Асилэн. – Этот ублюдок уже совершил девять несанкционированных убийств в городе.

– Можете забирать, – не вникая в слова бандита, кивнул лейтенант на труп. – Снежок подчистите, не забудьте, а то кровящи натекло.

Я чуть не подавился собственной слюной – такое возмущение поднялось вдруг от живота.

– То есть как это "можете забирать"? – схватил я Егора за плечо, останавливая. – Что, теперь и протокол составлять не требуется? И экспертов вызывать не надо? Кто вообще эти рожи?

Последние слова были об одетых в черное бритоголовых криминальных элементах. Я оказался под перекрестием недоуменных взглядов, но Поступенко устало вздохнул и объяснил, правда, не мне.

– Это у нас новенький. Недавно иницирован. Вы, пацаны, возьмите его в Замок, объясните, что да как. А то парень, вижу, ни хрена не врубается. Ещё с ума сойдёт, глядишь...

– Какой базар! Конечно, возьмём! Мы рады новым волкам в нашей стае! – воскликнул скалящийся Асилэн.

Я вконец перестал понимать, что происходит, и тупо таращился на присутствующих. наконец, когда морозный воздух немного проветрил голову, спросил:

– Люди, вы все... кто такие?

Ибрагим бесшумно подошёл сзади и хлопнул меня по спине, отчего я едва не взвизгнул, испугавшись.

– Мы такие же, как и ты, брат, – с дружеской интонацией в голосе сказал он, – мы оборотни. Но ты не бери в голову. Поезжай с этими пацанами, они всё объяснят.

Затем он забрал у меня автомат и легонько подтолкнул к фургону. Лысые затащили труп в машину, побрызгали чем-то над кровавыми пятнами, и насильно запихали меня в салон "Шевроле", пахнувший бензином и автомобильным ароматизатором. Впрочем, сопротивляться и в мыслях у меня не было.

– Ты будь спокоен, брат, – как обычно, оскалился в улыбке Асилэн. Похоже, нормально, по-человечески, этот отморозок улыбаться не умел. – Сейчас прокатимся в одно место, и ты поймёшь, что всё только начинается. Помню, когда-то я тоже, как и ты, здорово ох...ел, когда узнал, что не один в своем роде. Ты ведь думал, небось, что единственный и неповторимый, да?

Я сделал неопределенное движение головой, которое можно было расценить и как "да", и как "нет". Бритоголового это вполне удовлетворило, и он неприятно рассмеялся. Дальнейший путь мы проделали под крики аудиосистемы. Что с хрипом вырывалось из мощных динамиков автомобиля, я определить не смог, но, вполне вероятно и скорее всего, это была группа "Rammstein". Автомобиль покинул спальные кварталы многоэтажек и направился в сторону Рассветных холмов, где стояли исключительно элитные особняки важных и очень важных персон города и страны. Около одного из таких особняков – огромного двухэтажного коттеджа из желтого кирпича – мы несколько минут простояли, ожидая, пока охрана удостоверится в личностях приехавших братков и откроет массивные черные ворота в высокой железобетонной стене. На кованых гербах каждой створки ворот две здоровенные собаки сцепились в смертельной схватке, умудрившись впиться острыми зубами одна другой в глотки.

Фургон вкатился на обширную территорию особняка и спустился вниз, где, как я тут же догадался, находился гараж. На самом деле гараж оказался огромной парковочной площадкой, на которой без труда уместятся и двадцать фургонов, но пока стояли лишь три.

Бритоголовый Асилэн прикрикнул на своих дружков, чтобы те занялись трупом, а сам повел меня к лифту и сопроводил на второй этаж. Проходя по шикарно отделанному коридору, я мысленно присвистнул. Страх как такового не наблюдалось, но незнание, непонимание ситуации заставляло нервничать.

Когда мы остановились перед дверью, лысый бандит кивнул:

– Проходи, хозяин ждёт.

Я сглотнул и, не дожидаясь повторения приглашения, толкнул дверь. За нею оказался обычный рабочий кабинет делового человека. Ну, преуспевающего делового человека. Мягкие тона, разнообразные интересные вещицы на книжных полках, большие красочные картины сказочных существ и фотографии на стенах. у высокого окна расположился длинный массивный стол для заседаний со стульями вокруг. За дальним от меня концом стола среди необходимых деловому человеку атрибутов вроде пишущих принадлежностей, ежедневника со спиралью, компьютерного монитора, телефона, селектора и фотографии любимой жены восседала подозрительно знакомая личность. Личность предпенсионного возраста, с широкими плечами, гордой осанкой и твёрдой решительностью во взгляде.

– Ну здравствуй, оборотень Виталий, – поднялся мужчина мне навстречу. Обойдя стол, он приблизился и протянул руку. Я почувствовал тонкий аромат дорогого одеколona и сигар, сопровождающий человека.

– Здравствуйте, Иван Алексеевич, – ответил я, – весьма удивлен, знаете ли, видеть вас.

– Значит, ты в курсе, кто я такой? – растянул Иван Алексеевич рот в дружеской улыбке. – Это избавит меня от лишних объяснений.

– Ещё бы, – кивнул я, – вы тот самый депутат Госдумы, которого в прошлом году обвиняли в прошлых связях с организованной преступностью. Помню, в "Аргументах и фактах" читал: "Государственная Дума платит по счетам криминальных авторитетов! Депутат Николаев стоит во главе преступного мира!"

– Что было, то было, – легко согласился Иван Алексеевич. – Ох, доставали же меня проклятые газетчики. Как вспомню, плохо становится.

– Насколько мне известно, вам удалось выйти сухим из воды. Журналист, у которого якобы имелись доказательства вашей причастности к криминалу, внезапно исчез. До сих пор ищут.

– Ну-ну, пускай ищут. Я не против, – развел депутат руками. – А что касается обвинений, так меня даже эмиссаром чеченских боевиков выставляли. Совсем народ ополоумел, да... Ты присаживайся, что стоишь?

Я сел в предложенное кресло, взял предложенный стакан виски и отказался от предложенной сигары.

– Объясните, что происходит, Иван Алексеевич. Меня спозаранку подняли на выезд, на месте преступления топтались какие-то быки, лейтенант безо всяких экспертиз и следствия определил убийцу, тело погрузили в фургон и доставили в ваш особняк, попутно не забыв прихватить и меня. Объясните, что происходит, – повторил я.

Депутат Николаев раскурил сигару и молча дослушал мою историю в сокращенном варианте. За его спиной по обе стороны плотно занавешенного окна висели полотна российского триколора. Над самим окном, не доставая высокого потолка, красовался большой, отливающий бронзой трёхглавый орёл со скипетром и державой. Николаев с самодовольным выражением лица казался как минимум президентом, а не каким-то депутатом от области. Наверное, чтобы укрепить такое чувство, на столе лицевой стороной к посетителям (читай – ко мне) блестела в стеклянной рамке фотография азартно пожимающих друг другу руки Президента и Депутата.

– Ну, половину всего ты и сам прекрасно знаешь, – пуская дым, пробасил Николаев.

– Вы о существовании оборотней и о том, что парень в парке нарвался как раз на одного из них?

– Да, Виталий. Вижу, тебя уже не бросает в дрожь при упоминании сил Тьмы, тебя не шокирует мысль о существовании иного мира. По правде говоря, это меня радует, потому что элиминирует ряд определенных проблем.

– Значит, я всё-таки не один в своём роде, – прищурился я, зная наверняка, каков будет ответ.

– Конечно, не один. Твои новые сослуживцы и те "быки", которых ты встретил в парке, такие же оборотни.

– А вы? Как насчёт вас?

Николаев опять тепло, по-дружески улыбнулся. Наверное, все политики умеют так вот искренне, от всего сердца улыбаться собеседникам. Добрая и уверенная улыбка – прекрасный инструмент убеждения. А может статься, что у Ивана Алексеевича и других политических деятелей подобная улыбка выработалась как рефлекс сохранять хорошую мину при плохой игре.

– Ну, вокруг да около ходить, я уверен, не имеет смысла. Ты находишься в доме, который помимо выполнения функций моей резиденции, служит прибежищем для всех оборотней города. Их стая – довольно простая организация, преследующая, впрочем, далеко не простые цели. Как раз именно оборотни и их деяния послужили почвой для выдвижения против меня достаточно серьёзных обвинений.

– Кажется, начинаю понимать вас, – пригубив виски, усмехнулся я. – Вы стоите во главе всех оборотней и сами, скорее всего, являетесь таковым. Бритоголовые идиоты, доставившие меня сюда, выглядят самыми обычными шестёрками крупного мафиозо. Пожалуй, дам вам совет: либо поменяйте своих ребят, так неловко дискредитирующих вас в глазах общественности, на более привлекательных особей, либо завязывайте с криминальным бизнесом и уходите на пенсию.

Не переставая улыбаться, депутат дымил в потолок. Раньше я не знал, как пахнет дым сигары. Оказалось, приятно.

– Отчаянный ты молодой человек, Виталя. Умный, но отчаянный. Впрочем, мне это нравится. Оборотень должен быть смелым, находчивым, отчаянным и – главное – умным. Ты оказался прав, когда назвал моих людей идиотами. Они на самом деле настоящие придурки, никчемные звери, потому и выполняют всю грязную работу по заметанию следов нашего присутствия среди прочего человечества. Они мусорщик, скрывающие результаты ночных похождений нечисти: вампиров и оборотней. Будь по-моему, этих дегенератов давно направили б в утиль, но, к великому сожалению, оборотней осталось слишком мало, поэтому мы ценим каждого нового члена стаи и готовы рвать за него когти.

Надо же, подумалось мне, оказывается, ещё и вампиры имеют место быть. Кошмар какой-то. Ей-богу, дурацкий, ненормально затянувшийся сон. Ну ладно, оборотни, мутанты-перевертыши, полулюди-полузвери. Всякое случается в природе... Но вампиры! Вампиры – это гораздо хуже! Это ж бред чистой воды! В голове прямо не укладывается, что все эти Дракулы и Лестаты – реальность. Но всё-таки узнать о вампирах по подробнее...

– Вы уже приняли меня в свою... э-э-э... стаю? – вслух спросил я. – И почему, собственно, "стая", а не, скажем, "банда"?

Иван Алексеевич поморщился, словно только что услышал до ужасного неприличную шутку.

– О какой банде может идти речь, Виталя? Коли уж угодно видеть нас в таком свете, используй, пожалуйста, термин "организованная вооруженная группа".

– Преступная, – уточнил я.

– Прости, что ты сказал? – склонил депутат свою голову с аккуратной короткой стрижкой набок.

– "Организованная преступная группа" будет правильной, по-моему.

Николаев закатил глаза к потолку и гулко рассмеялся.

– О небеса! Да ты ведь даже не представляешь, о чём говоришь, друг мой! Ведь не глуп же и должен понимать: оборотни – это не добрые феи, они не похожи на джинна из мультика про Алладина. Мы существа Тьмы и призваны вершить дела исключительно в интересах Зла. бессмысленно применять к нам термин "преступники", потому что мы изначально по Великой Вселенской Программе созданы быть таковыми. Конечно, некоторые наши поступки люди и адепты Света называют преступными, но для самих нас это суровая необходимость. Ведь ты же сам оборотень и уже убил двух человек. Да-да, я знаю об этом! Поэтому ты должен кое-что соображать..

Под конец тирады депутат посерьезнел, сделался суров. В его глазах промелькнула вспышка гнева.

– Ладно, пусть будет по-вашему, – сдался я быстрее, чем хотелось бы.

– Так и будет, – твердо пообещал Николаев, кивнув. – Я уже говорил тебе про мусорщиков, про то, что они обязаны уничтожить любой намек на наше существование. Чтобы поддерживать столь серьезную конспирацию, необходимы большие денежные средства.

– Но почему вы не можете просто взять и объявить о своем существовании? Собрались бы все вампиры да оборотни по всему миру, раскрыли б тайну своего существования, захватили власть над людьми... Какие проблемы?

– Проблемы в том, мой дорогой друг, – стал тихо объяснять Иван Алексеевич, – что в таком случае на Земле начнется ужасная война. Люди будут стремиться уничтожить нас, такую же цель будут преследовать светлые. Одним словом – Апокалипсис. Над нечистью нависнет угроза тотального истребления, а это нам не на руку, согласись?

Мне нечего было сказать. Поэтому я просто промолчал, ожидая продолжения разговора.

– Помимо вампиров и оборотней есть также масса сущностей, о которых ты в своё время узнаешь. Выжить в столь сумасшедшем мире в крайней степени сложно, а для оборотней – в особенности. Поэтому тебя привезли сюда, поэтому я сейчас разговариваю с тобой. – Депутат плеснул мне в стакан новую порцию виски. – В одиночку тебе не выжить, как ни крути. Вспомни полнолуние, вспомни о том, что впереди будет еще много полнолуний, когда твой разум уснёт, дав зеленый свет невероятной силе и жестокости, заключенной в тебе. Под этим особняком расположены камеры-изоляторы, в которых оборотни переживают критические ночи и связанную с ними самопроизвольную трансформацию. Как собираешься пережить полнолуние ты? Убежать в лес или, быть может, запереться в собственной квартире? Поверь моему опыту, это не поможет. Центральная Россия слишком густо заселена, ты за ночь успеешь добраться до ближайшего населенного пункта (оборотни обладают оч-чень выдающимися способностями), а квартира не в состоянии сдержать зверя. В лучшем случае ты нарвешься на пулю тех же ментов.

– В худшем же вы сами найдете меня и прикончите, – догадался я.

– Такой финал тоже не исключение, – быстро согласился Иван Алексеевич, – но есть ещё кое-что, о чём ты пока не знаешь. Это "кое-что" – охотники Ордена Света, древнейшей организации по борьбе с силами Тьмы. Охотники отлавливают и убивают оборотней, не брезгают потягаться и с вампирами. Убить тебя не сложнее, чем убить обычного человека, если дело, конечно, не касается ядов: любое известное тебе средство умерщвления прекрасно срабатывает и на оборотнях. Ко всему прочему добавлю, что охотники Ордена – это не дряхлые старики-друиды в рясах и с распятиями, с безумным фанатизмом в глазах. Они великолепно подготовленные убийцы-профессионалы, имеющие в своем распоряжении самое совершенное оружие. Всяческие "голубые береты", "пурпурные каски" и "розовые трусы" им в подмётки не годятся! Поэтому нечисть вынуждена объединяться в кланы, группы, стаи. Объединяться, дабы противостоять силам Света.

– Вы говорите так, как будто мне угрожает серьезная опасность, – почувствовав в глубинах души намерения на страх, сказал я.

– И еще какая! Светлые не простят тебе убийство двух человек и обязательно поймут. Узнают твой адрес и придут в гости, но не чаю похлепать с печенюшками и не посудачить за жизнь, а оторвать тебе яйца. Как думаешь, долго ты протянешь без яиц-то?

– Причём тут мои яйца? – не понял я черного юмора депутата.

– Я образно выражаюсь! – отмахнулся он обеими руками. – Просто дело в том, что ты не протянешь в одиночку и месяц, если отчет вести с сегодняшнего дня. Мир жесток по отношению к нам, и мы должны быть жестоки к нему, должны объединяться и делать то, ради чего существуем. Я понимаю, что ты какое-то время проработал в милиции, следовательно, есть лишняя причина относиться к нам предвзято. Но иного выбора у тебя всё равно нет, пойми это раз и навсегда.

Я вынужден был надолго погрузиться в раздумья. Вряд ли депутат Госдумы, стоящий во главе всех оборотней города, сидит сейчас и мелет чушь. Таинственный и опасный Орден охотников, противостояние Свету, опасность быть разоблаченным... Трудно думать, когда в голове слишком много всего, когда твои чувства идут вразрез с разумом.

– Мне нужно подумать, – решил я.

– Ну, конечно, нужно. У тебя еще есть несколько дней до полнолуния – думай на здоровье.

– Кстати, почему ваши люди называли моего лейтенанта каким-то странным именем?

– Ты про лейтенанта Поступенко? – уточнил депутат. – Ну, видишь ли, испокон веков существует традиция присваивать оборотням клички, следуя определенным правилам. Раз уж спросил, то давай и тебе дадим имечко.

– У меня уже есть одно, – возразил я, – и оно мне пока что нравится.

– Назови свою дату рождения, – не слушая моих слов, потребовал Иван Алексеевич. Своим вопросом он, честно говоря, ненадолго выбил меня из седла.

– Э-э-э, шестнадцатое февраля 1981 года.

Николаев прошелестел своим ежедневником, отыскивая нужную страницу в самом конце. Наконец, он что-то быстро набросал на листе бумаги и толкнул его по столу. Я проворно поймал скользивший лист и прочёл единственное слово. "Винтэр".

– Твоё имя зверя, – прокомментировал депутат. – Или берсерк-имя, как любят выражаться на Западе.

– Винтер? То есть вы только что придумали мне кличку, которая переводится как "зима"?

– Не придумал, а составил по определенным правилам, и никак она не переводится. Не знаю, кто первым начал давать перевёртышам клички, однако такое существует уже давно. И, как правило, стае оборотней присваивается имя вожака.

– Надо понимать, этой стае присвоено ваше имя, – утвердительно сказал я.

Иван Алексеевич склонил голову, вслух не соглашаясь. Затем сказал:

– Мое имя зверя Ирикон. Все местные оборотни входят в стаю Ирикон.

– Стая... Прямо животные какие-то, – пробурчал я себе под нос, но чуткий слух депутата уловил мои слова.

– Во все времена люди ассоциировали оборотней прежде всего с волками. Сами слова "вервольф", "волкодлак" в основе имеют слово "волк". Да и оборотни, по правде говоря, предпочитают сравнивать себя именно с волками. Нет ничего плохого в том, чтобы ассоциировать себя с тем или иным зверем. На протяжении становления цивилизации человек стремился освободить себя от всех животных признаков, в результате чего изгнал из себя почти все природные инстинкты. У нечисти эти инстинкты сохраняются и развиваются, благодаря чему оборотни и вампиры обладают высокой скоростью, отменной реакцией, повышенной чувствительностью при восприятии окружающей среды, большой силой и так далее. Как видишь, не так

плохо быть существом Тьмы. – Депутат встал, что заставило меня также подняться. – Но каким бы сильным, ловким и быстрым ты ни был, всегда найдётся кто-то лучше тебя. И если этот "кто-то" стоит на стороне Света, тебе не поздоровится.

Вошёл широкоплечий охранник депутата в черном костюме-двойке. Не смотря на внешность мордоворота, он выглядел более интеллектуально развитым индивидуумом, нежели мусорщики, доставившие меня в резиденцию слуги народа.

– Отвези, куда попросит, – приказал Иван Алексеевич, и я догадался, что аудиенция окончена.

Уже в машине, шикарной "Ауди-8" с правительственными номерами, я спросил молчаливого водителя:

– Как работается-то на него?

– Нормально, – пожал тот плечами, – работенка непыльная, деньги хорошие.

– А часто вас, э-э-э... кхм, убивают?

– Бывает, – безэмоционально ответил водитель.

Я попросил подвести меня к дому. Едва собрался выходить, водитель протянул мне пачку сторулёвых купюр в банковской упаковке.

– Это твоя зарплата за утренний выезд.

Я взял пачку и покрутил ее на пальцах. Ну дела, за одно утро заработать десять штук! В милиции, даже с учетом премиальных, я таких денег не видывал. Николаев, однако, умеет убеждать, усмехнулся я про себя, ведь пачка денег – не менее успешное средство убеждения в мире, где деньги являются главной, а подчас и единственной силой...

* * *

Полковник Раймонд Джекинс с силой ударил по крышке стола, застланным большим планом местности точно скатертью. Старший лейтенант Роджерсон ойкнул от неожиданности, высоко подпрыгнув на стуле. С тихим звоном по полу покатилась жестяная кружка.

– Они удерживают заложников уже третьи сутки, а у нас до сих пор нет никакого плана по штурму форта!

– Вьетнамцы пока что не выдвинули никаких требований. Мне кажется, со штурмом спешить не следует, господин полковник, сэр, – заторопился хоть что-то сказать Роджерсон.

Напрасно, как выяснилось, торопился.

– Молчать! – заорал полковник, потрясая волосатыми кулачищами.

– Да, сэр, конечно, сэр, – вздрогнул старший лейтенант, вмиг посерев в лице.

А Раймонд Джекинс оперся обеими руками о край стола и презрительно вперился взглядом в карту.

– Не могу понять, как узкоглазые за полчаса захватили этот гребаный Форт-Боард, – скорее прорычал, чем сказал полковник. – За полчаса! При гарнизоне в три тысячи человек! Но полбеда, что эти узкоглазые ублюдки перебили наших солдат. Они, ко всему прочему, взяли почти две сотни гражданских в заложники. Репортёры, журналисты, фотографы... Кто вообще пустил этих долбанных засранцев на войну?!..

Джекинс не успел договорить, потому что дверь в кабинет громко, с противным скрипом (всё здесь скрипит противно и неисправимо...) распахнулась, и на пороге появился коренастый смуглолицый офицер с нашивками майора. Внешностью он напоминал помесь азиата и европейца. Вероятно, объявившийся незваный гость был даже вьетнамцем на какую-то часть.

– Кто впустил? – негодуя рывкнул начальник штаба Джекинс.

– Извините, что прервал подготовку операции, – не моргнув и глазом, улыбнулся майор, после чего аккуратно прикрыл за собой дверь. – Я майор Спартон и нахожусь здесь, чтобы помочь освободить заложников.

– Что? Откуда вы взялись, Спартон? Не пойти бы вам...

– Это дело переходит в руки разведывательного управления, – едва ли не зевнул гость. – теперь я отвечаю за жизнь заложников и освобождение Форт-Боарда.

– Не понимаю, какой интерес возник у ЦРУ. Ведь там обычные вьетконговцы из ополчения...

– Вам совершенно незачем знать, что за интересы в этом деле имеет контора, которую я представляю. Вместе со мной прибыл взвод спецназа. Ребята натасканы на борьбу с террористами и освобождение заложников; такая высокопрофессиональная контр-террористическая команда. С наступлением темноты они начнут операцию по освобождению. Вот все документы, подтверждающие мои полномочия.

Спартон бросил на стол, покрытый картой, тонкую голубую папку. Генерал, не веря своим ушам, тихо варился в собственной злости, быстро перечитывая содержание секретных и не очень документов. Ему не просто не нравилось, его выводило из себя, что какой-то плюгавый майорчик весьма опостылевшей во Вьетнаме наружности говорит со старшим по званию точно с рядовым. Эта тыловая крыса возомнила себя генералом?

Майор тем временем окинул пристальным взглядом план и ткнул пальцем в линию, условно обозначающую северную стену Форт-Боарда.

– Спецподразделение проникнет на территорию базы здесь. Таким образом, всей группе дается возможность для манёвра. Известно, что силы противника большей частью сконцентрированы у южной стены. Именно с юга вы планировали начать штурм, не так ли?

Полковник скрипнул зубами, предоставив старшему лейтенанту Роджерсону высказаться. Роджерсон, поймав тяжелый взгляд начальника, быстро согласился:

– Да, сэр. Подход к базе с юга – это единственное незаминированное место. К несчастью, все схемы последнего минирования оказались в руках захватчиков. Честно говоря, сэр, я не понимаю, как вы хотите штурмовать с севера...

– Если узкоглазые поймут, что начался штурм, они убьют заложников, – прохрипел полковник Джекинс. – Вы что же, решили вынести тем несчастным гражданским приговор? Да на то, чтобы разминировать юг, потребуется минимум неделя. А вы планируете начать операцию нынешней ночью!

– Взвод прибывшего со мной спецназа в разминировании подхода не нуждается. Видите ли, у них чутьё на всякого рода ловушки. Господин полковник, я понимаю ваше стремление разрешить кризис с минимальными потерями среди гражданских. Ведь сейчас в Форт-Боарде томится ваш сын, журналист газеты "The Washington Post", верно?

Раймонд Джекинс не стал отвечать, но попытался прожечь майора взглядом.

– Я уже сказал, что ответственность за всё беру на себя. Успокойтесь. Лучше немного поспите, а то выглядите неважнецки. Ей-богу, тарашитесь на меня как безумный...

Операция началась в час двадцать две по местному времени. Взвод солдат специального назначения особого отдела по борьбе с терроризмом Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Америки взялся за дело освобождения заложников. Взвод состоял из двух отделений по двенадцать человек каждое. Полковника Раймонда Джекинса не оставляло чувство совершеннейшей абсурдности происходящего; он не мог заставить себя поверить, что двадцать четыре человека, вооруженные лишь короткоствольными израильскими «Узи», способны уничтожить вьетнамских бойцов, оккупировавших военную базу на три с лишним тысячи солдат. Ещё полковника смущал странный вариант экипировки спецназовцев: вещмешки непривычной прямоугольной формы крепились на спинах воинов наподобие парашю-

тов двумя эластичными ремнями, перекинутыми через плечи, и толстым поясом. На ушных раковинах бойцов крепились портативные радиопередатчики-микрофоны, подобные которым полковнику видеть не приходилось. Абсолютно чёрные камуфляжные комбинезоны показались Джекинсу слишком тонкими и ненадежными, хоть он и заметил характерные выступы бронепластин, закрывающих грудь, живот и бедра спецназовцев. К тому же полковнику за двадцатипятилетнюю службу в армии не приходилось слышать о каком-то спецотряде ЦРУ по борьбе с терроризмом. Даже учитывая факт возможной засекреченности отряда. Но даже если этот отряд таки существует, какое дело разведке до обычной базы? Уж не свои ли секреты хотят спасти цэрэушники, чтоб им пусто было?.. Джекинс мог поклясться, что на территории Форт-Боарда не располагалось ничего секретного за исключением, пожалуй, плана минирования подступов к самой базе и нескольких документов, до которых вьетконговцам нет никакого дела.

За несколько минут до начала операции полковник увидел спецподразделение. закамуфлированные в чёрное бойцы оставили неизгладимое впечатление не профессиональных солдат, а отмороженных, задиристых гангстеров, место которым в тюрьме, а не в вооруженных силах.

Майор Спартон, успевший переодеться в комбинезон, отдал приказ, и спецназ, несмотря на кажущееся отсутствие какой бы то ни было дисциплины стремглав умчались во тьму, отлично используя деревья и высокую траву для маскировки, сокрытия от вражеского обнаружения. Раймонд Джекинс в бинокль, оснащенный прибором ночного видения, наблюдал за едва заметным движением в траве среди мин-ловушек. Он был поражен, каким образом Спартон и другие спецы так аккуратно огибают мины, ведь никому из них просто не могла быть известна схема минирования.

Спустя какое-то время полковник увидел, как через толстую глиняную стену Форт-Боарда высотой в добрых четыре метра со стороны леса что-то перелетело. Тут же по короткой дуге устремились другие размытые тени. Когда Джекинс понял, что именно за тени переметнулись на территорию базы, волосы его на макушке зашевелились от изумления.

Еще бы. Ведь то были люди, ловко преодолевшие четырехметровой высоты препятствие как детский велосипед. Старший лейтенант Роджерсон, стоявший рядом с полковником, присвистнул, убирая от широко распахнутых глаз свой бинокль.

Через минуту на базе началась ожесточенная стрельба...

– Группа «Альфа» – зачистка территории, затем уничтожение объектов в главном строении. Группа «Бета» – минирование. Всё как обычно. Трансформаций по возможности не допускать.

Майор Спартон, прокладывая дорогу по высоким зарослям травы, спокойно инструктировал своих людей. Его дыхание ничуть не сбилось от быстрого бега и неудобного положения вполуприсядь. Обостренный до максимального нюх безошибочно определял места закладок по смеси запахов металла, взрывчатки и свежей земли. Как и на предыдущих заданиях, майором овладел хищный азарт, он с упоением предвкушал предстоящую битву с равным по силе противником. Тем паче, противник был врагом не только как боевая сила мятежного Вьетнама, но как тёмная сила Ягуона. Демоны действовали во вьетнамской войне свои фигуры, и группа контроля Актарсиса, дислоцирующаяся в соседнем Лаосе, не могла не ответить активными действиями.

Майор, как и все прочие американские и вьетнамские солдаты, уже устал от этой никому не нужной войны. Войны амбициозной, бесперспективной и явно проигрышной для Соединенных Штатов. Надоел Вьетнам, набил оскомину Лаос, осточертели непроходимые джунгли, таящие опасность на каждом шагу. Но клятва, данная Актарсису, обязывала беспрекословно подчиняться приказам астеров.

Неподчинение принесет смерть. Но даже смерть не так страшна бойцам спецназа взвода "Вольф-терр", как последующие вечные муки в котлах Преисподней. О, да, Яугон не прощает отступников. Не прощает их и Актарсис. Сделав выбор один раз, невозможно повернуть назад. Раньше Спартона смущало содержание приказов, якобы поступающих из Актарсиса, но он научился не обращать на это внимание. Преисподняя и Царствие Небесное ведут свою войну, в которой, как и в любой другой войне, не обойтись без жертв. Иногда – жертв среди простых смертных. В конце концов, как объяснял куратор взвода архангел Тряд, ради высшей цели, ради конечной победы иногда приходится идти на жертвы, неизбежные жертвы, и порою – крупные.

– Группа "Альфа" на исходной позиции, – раздалось из вживлённого в ухо передатчика, антенна которого вместе с источником питания охватила ушную раковину майора.

– Группа "Бета" на исходной позиции, – шепнуло тут же вслед.

– Свидетелей трансформации убивать, – в последний раз напомнил майор. – Вперед!

Бойцы подразделения "Альфа" по одному перепрыгнули через высокую стену, сработанную из плотно подогнанных друг к необожженным кирпичей.

– Вижу троих. Захожу по ветру, – сообщил один из бойцов.

– Я "альфа-девять", вижу четверых. Питаются.

– "Альфа-четыре" – группе. Похоже, они раскрыли свою сущность перед гражданскими.

Спартон, укрывшись за колесами медицинского грузовика, особо отметил последнее донесение. Да, вероятность того, что тёмные раскрылись перед людьми, была почти стопроцентной. Тряд не единожды напоминал об этом. До последнего все спецназовцы "Вольф-терр" надеялись, что операция пройдет именно как освобождение заложников и уничтожение нечисти, а не как зачистка нечаянных свидетелей потустороннего. Но он сам видел разорванную перед собой одежду, которую так мог скинуть только оборотень. Видел мёртвых защитников Форт-Боарда с ранами, ничего общего с пулевыми ранениями не имеющими.

– Я "альфа-седьмой". Ребята, некоторые "трупы" живые! Их инициировали вампиры!

Майор был готов изменить приказ еще до того, как в голове прозвучал этот последний доклад. Тёмные провернули самое запретное деяние – массовую инициацию. Именно поэтому захватчики не выдвигают никаких требований.

Они ждут конца мутации солдат и, очевидно, гражданских.

– Внимание, переходим к запасному плану! – прошептал Спартон, собирая волю в кулак. – Группа "Бета" – выйти на позицию атаки. По моему приказу взводу приступить к уничтожению всего, что движется. Для нас больше нет заложников. Мы в тылу вражеской укрепленной зоны.

– Группа "Бета" на местах, – отозвался голос в передатчике, едва майор замолчал.

Растущая луна спряталась за облаками. Недалеко в лесу вскрикнула птица. Лёгкий ветерок сообщил майору, что завтра будет дождь...

– Вперёд!

Двадцать четыре человека как один выскочили из-за тенистых укреплений и с нечеловеческой быстротой помчались каждый к своей цели. Их лёгкие, модернизированные для нужд взвода армейские ботинки почти не издавали звука при соприкосновении с землёй, но наделенный острым слухом враг успел заметить начало атаки. Низкорослые желтокожие вьетнамцы – те, что были ближе к спецназу – схватились за оружие. Четверо вампиров, жадно сосавших кровь американских солдат, невероятно высоко подскочили, уклоняясь от серебряных очередей. В один миг ночные джунгли наполнились стрёкотом автоматов.

– Стая волков заходит справа! – крикнул кто-то из бойцов.

Спартон заметил приближающихся оборотней. Рука сама метнула в них гранату, но косматые собаки бросились врассыпную. Однако двое спецназовцев из первого подразделения

расстреляли их практически в упор. Сверху свалилась группа вампиров, но они были слишком ошеломлены внезапной атакой, и майор одного за другим превратил их в прах.

Старые вампиры. Ведь молодые просто падают замертво кусками дерьма. Впрочем, тем лучше, что они старые. Значит, заслуга перед Актарсисом увеличивается.

Краем глаза майор видел, как четверо бойцов "Беты" ворвались в барак медсанчасти. Оттуда послушались очереди, затем бойцы выскочили обратно и продолжили бег через территорию базы.

– Медпункт заминирован, – доложил командир второго подразделения.

– Казармы! – завопил "альфа-три". – Чёрт, прикройте кто-нибудь!

Спартон прокатился под днищем военного грузовика, обогнул джип и стал заходить на казармы с торца. Рядом рычали люди его группы. По минерам "Беты" открылся шквальный пулеметный огонь: две группы оборотней неслись от командного пункта, размахивая советскими "Калашниковыми". Два спецназовца рухнули замертво.

– Группа "Альфа"! Первый, пятый – в окна. Остальные за мной, – прорычал озверевший майор. Он начинал воспринимать реальность уже не как человек.

Двое бойцов ловко запрыгнули в окна, круша стекло и деревянные рамы. Одновременно с ними Спартон ударом ноги сорвал дверь с петель, вкатился в помещение казарм и открыл веерный огонь в темноту. Послышался свирепый лай и визг, из наполнившегося пороховыми газами мрака на майора набросилась чёрная тень с пылающими угольями глаз, но серебряная очередь вырвала жизнь из оборотня еще до того, как он рухнул на пол. Спецназ быстро очистил казармы от вражеской нечисти, потеряв ещё двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.